СЕРГЕЙ ЗОЛИН

МАЯК

СОБРАНИЕ РАССКАЗОВ

Сергей Золин

МАЯК

Рассказы

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР МВГ
Оренбург
2021

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4
З 79

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии
Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Сергей Золин. Маяк. Рассказы.— Оренбург: Издательский центр МВГ, 2021.— 152 с.

ISBN 978-5-9075020-9-3

© Сергей Золин, Рассказы, 2021 г.
© Издательский центр МВГ, 2021 г.

Легенда о Марии и Белозаре

1. Тёмная ночь

Сквозь чёрную чащу леса пробивались двое путников. Первый — человек — расчищал путь и раздвигал руками ветки, иногда недовольно ворча, когда ветки задевали и царапали кожу на лице, руках и цеплялись за одежду. За человеком следовал крупный Лис с рыжей спинкой и белыми ушками. Он иногда задумчиво бормотал названия звёзд и направлял своего компаньона. Вскоре чаща поддалась и выпустила заплутавших из своих глубин.

— Да ты просто волшебник! — юношу переполняла радость.— Я уже начал думать, что так и останусь в этом лесу!

— Со мной не пропадёшь, я довольно часто гуляю в этих местах.

Юноша стряхнул с себя листья и прищурился, вглядываясь в горизонт.

— Вижу огни поселения!

— Временами и там появляюсь,— Лис издал звук, очень похожий на усмешку.

— Хорошо, что я тебя встретил. Чужеземцам в наше время приходится несладко.

Они поспешили к свету. Спускались легко и быстро, юноша торопился устроиться возле огня, лис смешно фыркал и старался обогнать своего компаньона. Поля, окружавшие поселение, были усеяны огромными сочными тыквами. Крепкий осенний ветер свистел между стеблями и взвивал столбы пожухлой листвы. В воздухе пахло дымом, мокрой землёй и неизвестными пряностями.

Не успели путники приблизиться к первым домам, как услышали музыку и громкие голоса. Несмотря на наступившую ночь, улицы, оказалось, были заполнены жителями. Шумно гуляли, взявшись за руки, молодые девушки в длинных, украшенных цветами платьях и юноши с венками на головах. Лис и его молодой спутник неспешно брели по главной улице, продираясь сквозь толпу. Юноша с чарующим огнём в глазах наслаждался весельем, а Лис, казалось, и вовсе не замечал праздника, словно видел подобное каждый день.

Несмотря на поздний час, оба путника совершенно не устали, а жар гостиницы и шум посетителей внутри приятно контрастировали с только оставленным ими молчаливым сырым осенним лесом. Устроившись на свободное место и почувствовав себя в достаточной безопасности, чужестранец вспомнил, как бормотал его спутник разные не известные ему имена и названия. И это именно то, с чего он решил продолжить разговор с Лисом.

— Что это ты шептал, когда мы пробирались сквозь чащу? Очень уж странные имена.

— Хороший вопрос. Кажется, ты упоминал, что интересуешься легендами. Полагаю, сейчас самое подходящее время рассказать тебе одну из них,— Лис немного отпил из принесённой ему чаши и облизнулся.— Как обычно и бывает, дело происходило очень давно...

2. Дар

Много сотен лет назад, когда над этой землёй простирался совсем иной звёздный узор, выдались в мире смутные времена — разразилась многолетняя война между королями и колдунами. В борьбе за право верховной власти над континентом колдуны творили великие злодеяния, но, в конце концов, про-

играли. С тех времён они оказались навеки прокляты — отныне им запрещалось встречаться с людьми, появляться в их поселениях и даже просить у них помощи. В таких условиях выжить немногим оставшимся чародеям оказалось почти невозможно, и они, скрывая свои имена и способности, селились в глухих деревнях, продолжая мирно сосуществовать с людьми, преодолев свою гордыню и жажду власти.

И вот однажды в семье колдунов родилась девочка по имени Мария. Ещё до её рождения родители Марии приняли на себя роль знахарей в одной далёкой деревне и помогали им в борьбе с разными недугами, исцеляли от проказы. Они очень любили свою единственную дочь и старались не отпускать её слишком далеко от себя. Мария росла. Излишняя родительская опека сделала её тихой и скромной. В деревне остальные дети смеялись над ней и иногда поколачивали. По этой причине девочка часто убегала в лес. Там она и обнаружила у себя необычайный дар. Мария поразилась, когда животные, вместо того чтобы по обычаю убежать от неё, стали к ней льнуть. А в тот час, когда они внезапно заговорили, Мария едва сама не потеряла дар речи!

Вернувшись домой, Мария рассказала о своём даре родителям. Колдуны, договорившиеся между собой скрывать их магические силы даже от своей дочери, не на шутку разозлились. Им пришлось рассказать Марии об их настоящих именах и о том, почему им необходимо скрываться. Они взяли с Марии слово, что она не станет развивать свой магический дар, и не на шутку испугали красочным описанием всех ужасов, которые местные могут с ними сотворить. Расстроенная и потерянная девочка совсем перестала понимать, что же дальше делать и как жить.

Спустя некоторое время Мария подружилась с мальчиком по имени Иол. Был он из семьи торговцев, недавно поселившихся в её деревне. Они часто вместе ходили в лес. Там Мария показывала ему разные фокусы и рассказывала легенды, что поведали ей родители. Иол с интересом слушал её истории, а затем рассказывал свои — о путешествиях по свету, о приключениях и разных людях, которых он встречал на своём пути. Иол очень переживал, что его не принимают в мальчишеские компании. Мария жалела его.

И так дружили они долго, пока однажды Мария не решилась выдать их семейную тайну — девочка назвала своё истинное имя и по-

казала настоящую магию. Поражённый Иол, вспомнив все истории о давних злодеяниях колдунов, о которых он слышал за время своих с родителями путешествий, в страхе убежал из леса, оставив растерянную девочку наедине с разочарованием и болью. Не зная, что теперь делать, Мария до самой поздней ночи бродила по лесу и плакала, утешаемая лишь неуверенным шёпотом животных и шелестом листьев.

Когда наступила непроглядная ночь, а воздух сделался ледяным, несчастная Мария решила вернуться в деревню. А там с ужасом увидела остатки своего дома, толстые брёвна которого лизал багровый огонь. Вокруг пожарища, потеряв рассудок от ярости, кричали, извиваясь, селяне, закидывали дом огнём и бранью. Последнее, что ветер донёс до слуха убегающей в глубь леса Марии,— мольбы её родителей о милосердии.

Много недель провела Мария в лесу. Магия и лесные животные не позволили ей погибнуть от голода и холода. Но близилась зима, и Мария боялась, что однажды, проснувшись, она окажется погребённой под толстым слоем снега. К счастью, её страхам не суждено было сбыться, ибо к ней в лес пожаловали

нежданные гости — чародеи. Незнакомцы представились Белозаром, Хродмиром и Вереем — свободными волшебниками. Никто из них не искал прощения за прегрешения своих предков в прислуживании обычным людям, никто из них не искал места, где хотел осесть. Колдуны были сильны и милостивы — они решили забрать юную девушку из леса и путешествовать вместе. Но один из них — Белозар — был особенно добросердечен: молодой чародей с живым огнём в тёмно-карих глазах первым предложил сомневающимся чародеям принять Марию в свой отряд.

Покинув лес, четверо чародеев гордо прошли через деревню и покинули эти места, как они думали, навсегда.

3. Возвращение

Однажды настал момент, когда повзрослевшие колдуны вернулись в те земли, где их не любили и не ждали, откуда много лет назад их старались изгнать. Много долин, холмов и гор исходили четыре колдуна, много озёр и морей переплыли, много тайн магических узнали. Каждый из них стал старше. Белозар и Мария расцвели, превратившись в высоких и прекрасных юношу и девушку. Хродмир и Верей стали зрелыми мужчина-

ми, бороды их начали седеть. За это время дружба их окрепла, а любовь Белозара и Марии друг к другу стала твёрже кровных уз и сильнее непреодолимых препятствий. Куда бы ни шёл Белозар, Мария, верная возлюбленному, вспыльчивая, как гроза, с неутолимой жаждой познания, шла за ним.

Они вернулись в столицу давно уже чуждой им страны в надежде, что люди изменились. К их счастью, люди и вправду многое позабыли. Колдуны наслаждались прогулками по широким каменным улицам и горячим осенним воздухом, который питал узкие улочки многолюдного города. Некоторые люди, стремящиеся к знаниям, охотно впитывали в себя вековой опыт волшебников и слушали удивительные истории жадного до разговоров Белозара. И всё же, несмотря на такой тёплый приём, чародеям приходилось скрывать свои имена, однако они не стеснялись своих способностей, как было прежде.

В один из тягучих осенних дней, когда Белозар и Мария неспешно бродили по переулкам, их увидел Иол, привлечённый разнёсшимися по городу слухами о чудных гостях из дальних краёв. За всё время, пока четверо колдунов путешествовали по миру, Иол стал знаменитым в стране торговцем

и часто вёл дела с местной знатью. Сам король знал его и доверял и его товарам, и его советам. Сопровождаемый несколькими известными аристократами, Иол заметил двух высоких людей, одетых в дорожную одежду. Мужчину он не знал, но его спутницу узнал моментально. Разглядев черты лица своей давней подруги Марии, торговец испугался и тотчас же, сорвавшись с места, помчался во дворец, удивив при этом не только своих компаньонов, но и Марию, не признавшую в нём старого друга, а потому не почуявшую надвигающуюся опасность.

Иол со всех ног добежал до дворца и тут же рассказал королю, как давным-давно предки Марии сжигали и вешали людей, как хотели поработить простой народ и вечно им править. Говорил Иол так воодушевлённо, так сладко и так складно, что любой, кто бы его услышал, едва бы засомневался в его словах. Король, ведомый праведным гневом, тут же отдал приказ командирам найти и схватить чужаков. Иол, боясь, что колдуны раскроют и покалечат его, остался в крепости, вливая королю в уши отравленный мёд лживых речей.

В тот момент, когда стража пришла в таверну, Белозар, Хродмир и Верей развлекали

местных историями о заморских странах и радовались, что эта далёкая земля, с которой они когда-то сбежали, принимает их так тепло. Мария же, увлечённая вниманием детворы, демонстрировала им разные фокусы на небольшой площади недалеко от таверны. Увидев, как её друзей выводят со связанными руками, она, поняв, что её тоже могут схватить, обратилась в чёрно-белую ворону. В гневе и растерянности Мария желала разразиться яростными заклинаниями и разделаться с теми, кто схватил её спутников. Её гнев, вскипая, бурлил и лился на окружающий мир, как сбежавшее молоко. Повинуясь пробудившейся в девушке силе, к ней со всех концов города бежали дикие и бродячие звери, желая отомстить за обиженную хозяйку. Ближе к дворцу короля конвой обеспокоенной стражи сопровождали рычащие собаки, шипящие коты и гневливые птицы. Они нападали на стражу, будто опасность угрожала их потомству. Но Мария, видя спокойствие Белозара и остальных, не стала спешить. Она смирила свой нрав и решила подождать более удобного момента.

Когда всех троих завели в темницу, орда животных осталась позади, а Мария вороной успела влететь во дворец через открытое окно. Петляя по запутанным коридорам, Ма-

рия нашла темницу, в которую поместили её друзей. Охранял её один-единственный стражник, и Мария, предвкушающая скорое воссоединение с друзьями, поторопилась освободить пленников. Она усыпила стражника и, схватив ключ, выпустила на волю Белозара, Хродмира и Верея. Радуясь свободе, они и не заметили, что в тёмном закоулке, ведущем в потайной ход, притаился Иол. Никто из троих волшебников не успел ничего сделать. Они лишь услышали щелчок, свист, и в следующую секунду Мария вскрикнула. Её грудь пронзил арбалетный болт. Но Иол не успел сбежать — Белозар, не помня себя от гнева, жестоко расправился с торговцем. Забрав тело Марии, трое магов сбежали от стражи, скрывшись в потайном ходу.

4. Явление звёзд

Чародеи похоронили девушку под корнями высокого и очень старого дуба недалеко от города. Каждый из них скорбел, но горе Белозара от потери любимой было столь велико, что никакие слова не смогли бы его передать. В ту же ночь на чистом ночном небе, почти на краю западного небосклона, вспыхнула новая яркая звезда. Белозар сразу же понял, что Мировое Древо приняло в себя

чистую, преданную душу Марии. Но ему не стало легче.

С каждым днём Белозару делалось всё хуже, а присутствие Хродмира и Верея лишь напоминало ему о Марии. Каждый раз, когда они хотели утешить его, успокоить и привести в чувство, тот всё больше погружался во мрак и отчаяние.

И вот однажды Белозар объявил своим друзьям, что хотел бы отныне остаться один. Хродмир и Верей ничего не ответили, лишь исполнили желание своего друга. Они сделали так, как он пожелал, но всё же приставили тайно наблюдать за ним кое-кого — моего далёкого предка, такого же лиса, как и я.

Когда друзья разделились, Хродмир и Верей отправились в далекое путешествие, а Белозар ушёл на запад — в глубокие леса, где отстроил себе хижину и разбил огород. На какое-то время выращивание овощей, фруктов и обустройство дома действительно помогали заглушить боль. Но спустя дни и месяцы по-настоящему увлекающие дела превратились в рутину, смущающие мысли, а беспокойство и боль вернулись, стали отвлекать, повторять раз за разом отравленные слова. Теперь ни высокие деревья вокруг, ни реки, ни уединение не могли привнести по-

кой в плачущее сердца Белозара. Они лишь усиливали горечь. И вот однажды в спокойную летнюю ночь, такую спокойную, что тоска, шепчущая, скребущая изнутри, сделалась невыносимой, Белозар вырвал из груди своё страдающее сердце и в ту же ночь запрятал его внутри самой высокой горы, на самом краю запада, где начинаются бесконечные воды необъятного океана.

И страдание ушло. Но на его место пришла бесконечная пустота. Бездонная и голодная. И теперь Белозар заполнял её любыми средствами. Он стал реже выходить из дома, и всё, что он многие годы старательно выращивал на небольшом участке, погибло. Остались только тыквы. Тыквы стали единственной пищей колдуна. Лишь забота о них и долгий сон ненадолго заполняли пустоту — бесполезные дела в бесконечном круговороте дней.

Жизнь без чувств превратила Белозара в жалкое подобие себя прежнего. Со временем тело волшебника становилось всё суше, старее. Оно испарялось с каждым днём, таяло, обращаясь в тень. Видя это, старый лис, которого Хродмир и Верей когда-то приставили наблюдать за Белозаром, обеспокоился такими быстрыми переменами в облике вол-

шебника. Лис созвал всех братьев и сестёр в округе и приказал найти давних друзей Белозара, которые когда-то подарили лисам великие знания и всегда заботились об их роде. Лисы быстро нашли Хродмира и Верея и обо всём рассказали им. Волшебники поспешили к своему старому другу, но нашли лишь его тень. Усохшую, измученную и измождённую. Хродмир и Верей с помощью лиса нашли сердце Белозара и, превратив его в тыкву, скормили своему другу. Белозар поздно осознал уловку — Хродмир и Верей успели сковать его грудь волшебными цепями, которые Белозар оказался не в силах сорвать. Обессиленный волшебник оказался не способен что-либо сделать, даже по-настоящему разозлиться на своих друзей.

Спустя время к Белозару вместе с чувствами постепенно вернулся его прежний облик. Он понял, что жизнь без чувств, равно как и жизнь с ними, не сможет в полной мере вернуть давно утерянное спокойствие. Окружающий его мир — животные, леса, люди и его друзья — всё это часть его самого, часть его потери. Он был благодарен Хродмиру и Верею за то, что они вернули его к жизни, но отныне мир перестал его радовать. Белозару нужна

была новая цель. Новый смысл. Так он сказал Хродмиру и Верею перед тем, как однажды ночью исчезнуть насовсем. Поиски Белозара не принесли результатов, лишь на ночном небосклоне, на востоке, засияла новая яркая звезда.

5. Праздник Воссоединения

— Никому не известно, куда именно отправился Белозар,— после паузы продолжил Лис.— Для простых людей это великая тайна. В наших краях люди предпочитают верить, что Белозар отправился странствовать по Мировому Древу в поисках способа воссоединиться с Марией. Говорят, когда Белозар сможет уговорить все звёзды выстроиться в мост, соединяющий его звезду, что располагается на востоке, и звезду Марии на западе, их души найдут друг друга. Прекратятся войны, голод и напасти, по всему свету наступят мирные времена, где каждый будет помогать друг другу. Любовь к окружающим станет главной движущей силой на свете.

— Сложно представить такой мир,— вздохнул чужестранец.

— Тут ты прав. О таком мире мы можем только мечтать, не вдаваясь в излишние подробности.

Лис сделал паузу.

— Октябрь — это один из самых значимых месяцев в наших краях. Видишь ли, это такой месяц, когда звёзды расположены ближе всего к той форме, которая напоминает мост, тянущийся с востока на запад. Именно в это время в течение всего месяца в наших землях проходит Праздник Воссоединения. До конца месяца люди собирают урожай, готовят блюда из тыквы, по вечерам проводят шумные фестивали, где играет музыка. Люди танцуют, рассказывают красивые и печальные истории. В наших землях октябрь прозвали месяцем любви. В это время обручённые гуляют до поздней ночи и смотрят с высоких холмов на далёкие звёзды, наслаждаясь обществом друг друга и размышляя о великой силе любви.

— Эх,— раскрасневшийся от выпивки и духоты юноша подпёр голову руками,— вся эта история слишком уж красива, чтобы верить в неё.

— Думаю, сейчас в мире многим не хватает красоты, я бы сказал уверенности, что всё будет хорошо. Такие легенды нужны. Пусть даже это всего лишь способ обрести надежду на что-то большое и красивое.

— С этим не поспоришь. Выйдем на улицу, Лис? Не думал я, что так быстро заскучаю по звёздам.

Альвах и крысы

Жил один человек по имени Альвах. Это был добрый старик с благородным лицом и мягким взглядом голубых глаз. Жил он глубоко в лесу, в домике, вёл своё хозяйство, содержал скот и выращивал овощи и фрукты. Жены и детей у него не было, зато рядом всегда бегал большой и красивый пёс с рыжевато-белой шерстью по кличке Марси, который очень любил своего хозяина и всегда слушался его.

Альвах был человеком высоким, пока старость не пригнула его к земле, словно дерево под яростью урагана. Он был красивым, сильным и гордым, склонным к размышлениям, и очень любил философию, он не любил уступать и всегда боролся за себя и свою свободу. И всё же Альвах часто обижал людей из гордости или недопонимания. Гордость смешивалась с раздражительностью и приводила к спорам и вражде.

Когда Альвах состарился, он решил построить дом в лесу, чтобы больше никого не задеть или не обидеть. Он был добр к лесным обитателям и часто чувствовал себя виноватым, если не мог помочь кому-то в беде и нужде. Желания сражаться и соперничать постепенно исчезли, улетучились вместе с молодостью, а на их место пришли доброта и уступчивость.

Однажды в конце лета в дом к Альваху пожаловала колония крыс.

— Здравствуй, добрый Альвах,— начал вожак колонии — крупная крыса с выцветшим мехом.— Мы пришли к тебе издалека, оттуда, где не осталось еды и воды, где наши собратья постоянно ведут войны друг с другом. Но мы устали и хотим мира. Мы просим тебя приютить нас, дать убежище от грядущей зимы.

Добрый Альвах, мечтающий искупить свою вину перед всеми живыми существами, с радостью дал согласие. Сотни крыс воодушевлённо запищали на своём языке.

— Они благодарны тебе, добрейший Альвах, и не забудут твоё гостеприимство,— довольно произнёс вожак крыс.

Альвах поселил их в своём амбаре, где жили козы, коровы и лошади. Почти все оби-

татели амбара оказались не рады новым соседям. Однажды один конь даже пожаловался Альваху на то, что новые соседи слишком шумные и иногда отбирают у него еду, но Альвах лишь сказал:

— Мы должны помогать друг другу. Будь терпимей к нуждающимся.

Ближе к середине осени предводитель крыс пришёл к Альваху:

— Я вновь приветствую тебя, добрейший Альвах. Боюсь, что моему народу перестало хватать места в сарае, и у нас кончилось пропитание. Нас стало слишком много. Можешь ли ты выделить нам свой чердак и принести побольше зерна?

Альвах, конечно же, согласился выделить крысам чердак своего дома. Он отправился в деревню, купил больше зерна и отдал его крысам.

Марси, хоть и всегда слушался хозяина, в этот раз был недоволен, ведь теперь крысы заняли его любимое место. Марси очень любил проводить время на чердаке, отдыхая там от игр и забот. Особенно он любил взбираться наверх утром, когда свет солнца, пробиваясь сквозь листву и маленькое чердачное оконце, проникал в комнату и освещал пляшущие

в невесомости пылинки. Марси ничего не сказал Альваху, но вера в то, что его хозяин всегда прав, пошатнулась.

Ближе к зиме у крыс начались шумные праздники и ритуалы. Каждую ночь и каждый день в течение месяца Марси пробирался по известному только ему потайному ходу и следил за тем, что происходило на чердаке. Крысы танцевали и пели песни, водили хороводы вокруг своих идолов, которых они вытачивали зубами из дерева. Они кричали, кусали и били друг друга, совершали отвратительные и пугающие ритуалы. Встревоженный вдобавок и тем, как быстро они размножились, Марси спустился и спросил хозяина:

— О Альвах, добрейший из ныне живущих, ответь мне: справедливо ли отдавать крысам часть твоей земли и совершенно ничего от них не требовать? Справедливо ли разрешать им поедать зерно, заготовленное для твоих животных, и делать всё, что им заблагорассудится? И, в конце концов, что будет, когда зерно закончится?

— Не волнуйся, Марси, мой верный пёс и самый преданный друг. Очень давно я был жесток с окружающими, но я теперь другой. Мою вину можно искупить только добротой

ко всем нуждающимся! Я понимаю твою тревогу, они заняли твоё любимое место, но ты должен быть терпимым. Ты можешь жить в моём доме, а здесь гораздо лучше, чем на чердаке.

Конечно, в доме хозяина было гораздо уютнее, но ведь раньше чердак был в его, Марси, полном владении! Это было его место, где он жил по своим правилам, а теперь его заняли крысы со своими дикими и чуждыми обычаями!

Чувство недовольства побудило Марси задать ещё один вопрос:

— Что же будет, когда и на чердаке крысам станет тесно?

— Я позволю им жить в комнатах,— ответил Альвах.— А если зерно кончится за зиму, то я поделюсь с ними моими припасами.

Марси очень опечалился такой чрезмерной добротой хозяина и возможными её последствиями. Он уже очень давно жил рядом с Альвахом и с теплотой хранил память о том, каким хозяин был раньше: гордым, с горящими глазами и пламенеющим сердцем. Он был источником света и надежды на будущее. Будущее сытое и тёплое. И что же теперь? Теперь мечты Марси таяли с каждым съеденным крысами мешком зерна! Теперь

Марси казалось, что будущее будет нищим, грязным и тесным!

Зерно закончилось гораздо раньше, чем предполагал Альвах. Но он не расстроился и позволил крысам есть запасённые на зиму продукты. Вскоре число крыс так разрослось, что запасы подошли к концу уже к середине зимы. И вот предводитель крыс вновь пришёл к мужчине:

— Здравствуй, Альвах. Зерно и твои запасы закончились, нам нечего есть, у нас голодают старики и дети. Теперь мы будем есть твоих животных,— сказал предводитель, ставший ещё крупнее, чем раньше, и ушёл, не дождавшись ответа Альваха.

Альвах расстроился. Он расстроился из-за понимания, что крысы съедят животных слишком быстро, и им снова перестанет хватать еды.

Целыми днями он размышлял, как накормить орду крыс, и не заметил, как вокруг его ног скопились новые крысиные полчища. Они копошились и попискивали, мелькая чёрным мехом и исхлёстывая друг друга хвостами. Они заполонили все комнаты и амбары, и не было видно им конца.

Рядом с хозяином, готовый к атаке, всё ещё преданный Альваху, рычал Марси. Он

видел, что крысы намеревались делать, он говорил хозяину, что может случиться. Но Альвах утонул в своей доброте и чувстве вины, старость извратила разум старика, превратив его в послушного и безропотного раба собственного милосердия. Марси видел это. Он понимал, что и он, и его хозяин обречены.

Но какие бы чувства ни испытывал Марси, это не идёт ни в какое сравнение с тем, что он почувствовал, услышав слова хозяина:

— Съешьте его! — прокричал Альвах и указал перстом на преданного Марси,— а потом — меня! — Он захохотал, и из глаз его потекли слёзы. Он смеялся и рыдал от радости.— Я накормлю вас, мои милые крысы! Я отдал вам все запасы еды, только не обижайтесь на старого Альваха! Я не хотел, чтобы вы нуждались, отдал все деньги, чтобы накормить вас, но всё равно ничего не вышло.

Марси не знал, что и делать. Он был потрясён до глубины души и вместо храбрости его сердцем овладело горькое чувство предательства и страха. Он отступил назад, к выходу, и отчаянно заскулил.

— Не переживай, добрый Альвах,— чудовищных размеров вожак недобро ухмыльнулся, и красные глаза его сверкнули в зимней

ночи.— Мы найдём еду, ведь на свете очень много добрых людей. Таких же добрых, как ты.

Крысы чёрной волной накатились на Альваха и в мгновение обглодали его. Марси не видел этого, потому что в ужасе унёсся прочь, в ближайшую деревню, к спасительному человеческому свету, чтобы предупредить людей о надвигающейся чёрной чуме.

«Светлячок»

Времена, проведённые в детских лагерях, отдаются в памяти вечной неестественно зелёной травой, вечерними дискотеками и страшными историями, которыми нас пугали ребята постарше. Если проникнуть в глубины моих воспоминаний, то можно выскоблить оттуда утренние построения под советские гимны, тусовки за корпусами, окутанные дымом первых в жизни сигарет, и заросшие стадионы, на которых я с пацанами гонял мяч, окрыляемый взором удивительно красивых девчонок.

Над всем этим беззаботным временем уже больше десяти лет висит густая тень пережитого мною бездумного, возникшего на бурлящих юношеских эмоциях желания. Эта тень, как огромный дирижабль, закрывший небеса своим уродливым туловищем, преследует меня с тех самых пор, как я побывал в лагере «Светлячок».

Где-то в подъезде на соседской площадке хлопнула дверь. Мысли бесцветным киселём текли в моей голове, вызывая раздражение. Я попытался отвлечься, выглянув в окно. Там — порт, корабли, море и людской шум. Огромные краны перетаскивают контейнеры, издавая тяжкий металлический гул. Иногда от корабельных сирен звенели в рамах стёкла. С тех самых пор, как я переехал ближе к морю — во Владивосток, мои кошмары перестали настырно навещать меня каждую ночь. Теперь лишь несколько раз в месяц, но мне хватает и этого. В них светлячок неизменно летает посреди непроницаемой тьмы, и кого именно из моих прежних товарищей выхватит его бледно-зеленоватый свет — всегда загадка.

Голова гудела. Я лёг на диван и смотрел в потолок — на неспешные танцы теней и света. Я вновь вспоминал прошлое, вновь пытался его отпустить, но не мог. Куда бы ни сбежал — они всегда со мной. Ребята. Смотрят на меня укоризненно. А светлячок всё летает над их головами. Всё никак не закончит свой полёт.

Я здесь. Внутри вечного лета. Внутри наполненного солнцем «Светлячка».

— Генка! — Я едва ли не подпрыгнул от неожиданности, когда Витёк гаркнул у меня над ухом и ткнул в плечо.— Погнали в футбол ща, после построения.

— Да ну на фиг. Пошли в корпус, а то к дискачу устанем. Мыться придётся. Не хочу в кабинки идти. Там вонища вечно.

— Пошли, говорю. Туда Машка придёт вроде. Мне Анька сказала.

— И что? Мне всё равно,— сказал я, не поднимая глаз от опустевшей тарелки.

— Ну да, конечно,— Витя наклонился и шепнул: — А ей нет. Видел я, как она на тебя смотрит. Слышал, она с Арсеном рассталась. Неспроста это.

В тот момент, судя по хитрому оскалу Витька, я густо покраснел.

— Отвечаешь? — я строго взглянул на него.

— Отвечаю.

— Ну погнали.

После построения, на котором Ольга Сергеевна — наша старшая вожатая — отточенным высоким голоском напомнила нам о правилах поведения в лагере, мы под присмотром просто вожатого Коли гурьбой из двенадцати человек отправились на стадион. Маша и правда была там, а вместе с ней Аня, тайная подружка Витьки. К ним присоеди-

нились ещё две девочки. Они вечно ходят вчетвером.

Мы шли впереди, гордые. Я нёс мяч, а Витька шёл справа от меня, как оруженосец. Как верный товарищ. Как человек, который навечно остаётся в памяти в самом лучшем свете. Как первый настоящий друг.

Стояла жара, стрекотали насекомые — кузнечики, стрекозы. Звенели комары. Солнце — белое, без оттенков оранжевого, как райский свет. Заливались птицы, деревья вокруг, перешёптываясь со знойным летним ветром, сыпали листвой со светло-зелёных густых крон над старыми, с отбитой побелкой футбольными воротами. Сетки на воротах — сотни раз порваны и сотни раз связаны вновь. Земля под нами — галька и песок вперемешку с блестящими частичками стекла.

Я, как всегда, играю в нападении. Витька — рядом со мной. Прикрывает. На воротах стоит толстый пацан из младшего отряда — неразговорчивый, с грустными глазами и громким девчачьим голосом. На защите — Женька, длинный парниша из другого отряда. Вечно отирается с Арсеном и его компанией. Подлиза. Мы с Витькой в нападении. Каждый раз, как два мушкетёра, держимся друг

за друга, воюем против всего света. А весь свет для нас — лагерь «Светлячок».

Гол в ворота Арсеновой команды. Фоном я слышал его брань, приобретающую новые оттенки благодаря его акценту. Я бросил взгляд на лавку, где сидел вожатый Коля и девочки, в надежде, что Маша заметила мой успех. Они смеялись. Коля был в центре внимания, Анька и остальные девочки звонко хихикали и щебетали. Кроме Маши — она бросала на меня короткие взгляды, улыбалась, а затем вновь слушала беззаботный трёп. Затем — снова взгляд, как удар в грудь, удавка, сжимающая сердце. Я задыхался не только от беготни по полю — от её взгляда тоже.

Арсен, конечно, это заметил и подошёл ко мне. Глаза горели яростью.

— Ща мы вас порвём, черти,— он сплюнул. Взглянул в сторону Маши, затем — вновь на меня. Вараньей походкой ушёл к своим. Вот уж и правда — змей.

Ко мне подбежал Витька.

— Давай теперь я в нападении. Я понял, как надо. Ща мы их сделаем. Ты, главное, защищай ворота, а то хрен этого Женька знает. Он же не наш.

Я согласился. И защищал. План Витька работал, он обводил команду Арсена в одного,

а я лишь передавал пас и иногда смотрел в сторону Маши. Внезапно, отвлёкшись, я получил удар мячом в живот, да с такой силой, что едва не задохнулся. Рухнул на колени и пытался вернуть дыхание, перед глазами танцевали чёрные круги. Мяч отлетел обратно к нападающему — Арсену. Он обошёл мою согнувшуюся на гальке тушку и закатил мяч в ворота.

— Генка! Геннадий! — Витька не знал, что делать.

Он подбежал ко мне и присел на корточки. Попытался поднять, но я только отмахнулся. Тело мне намекнуло, что это лишнее движение. Я схватился за онемевший живот, с трудом восстанавливая дыхание. Подбежал вожатый Коля, девочки и Маша. Большего стыда в те времена я ещё не испытывал. Моё покрасневшее лицо удачно могло бы заменить красный свет на светофоре. Арсен крутился вокруг, говорил, что плачу, как девчонка, и суетливо пытался всех успокоить. Остальные игроки пытались рассмотреть, как я там, сквозь окруживших меня Витьку, Колю и Машу.

— Я в порядке,— сказал, поднявшись и отряхнув с исцарапанных коленок песок и камни. Выпрямился. Пытался казаться восставшим против орд врагов одиноким гордым

воином, но кашель вернул меня к реальности. Споткнулся и вновь едва не обнял истоптанную землю. Только сейчас разглядел в пыльной траве золотой блеск, настырно бьющий в глаза.

— Вау,— произнёс я едва слышно и тут же закашлялся.

— Ты что?

Я вырвал находку у истоптанной земли — это оказалась монета. На вид очень старая. Мои пальцы ощутили стёртый временем и песком орнамент. Изображение всё ещё возможно было рассмотреть. По краям — замысловатый рисунок, состоящий из переплетающихся линий и маленьких звёздочек. В центре — лабиринт из линий и волн, зигзагов и точек. Для меня, четырнадцатилетнего подростка, было очевидно только одно: это не рубль, не пять и даже не десять. Я показал её Витьке. Он поднял брови, протянул руку. Я положил находку в его ладонь.

— Жесть. Она такая старая, наверное, из СССР,— Витя вернул монету.— Помнишь, пацаны как-то ночью рассказывали, что здесь когда-то тюряга была? Страшнючая.

Коля похлопал Витька по плечу:

— Ты меньше байки слушай, Витёк. Отдышался? — это уже вожатый спросил меня.

— Ага.

— Молодец. Сделайте перерыв пока. Сходите к фонтанчику,— на этих словах Коля оставил меня на попечение друга и ушёл к лавке вместе с остальными.

Вернулись мы со щитом, а не на щите. Победа досталась немалой кровью. В основном моей. После ужина, едва успев переодеться и помыться, мы отправились к лагерному кинотеатру, где традиционно в «Светлячке» проходили дискотеки. Плечом к плечу мы шли, ориентируясь на светящийся в ночи островок подростковых надежд и разочарований, веселья и первого в мире наслаждения от непознанного. Мы шли на дискотеку, чтобы познать тайну: танец со странными, противоречивыми мифическими созданиями — девчонками. Как первооткрыватели Америки, сошли мы на берег шумного, дикого пространства, проникли в мир громкой музыки, неловких аборигенов-детей, чтобы познать новое, явить себя всему миру. Всему «Светлячку».

Но я оказался чужеродным в этом диком мире лагерных танцев. Вокруг меня ребята двигались неловко, нерешительно, отстранённо. В то время за моей спиной маячил

капитал из двух танцевальных школ и одного публичного выступления — именно поэтому я не боялся дискотек. Меня учили отдаваться музыке, слышать ритм, проникаться мелодией. Да, дискотеки в лагере часто выводили меня в каком-то роде на новый уровень подростковой иерархии.

Заиграла любимая песня. Я забыл обо всём, а затем просто начал слушать музыку. Одна песня за другой. Становилось ужасно жарко, и я вышел с танцпола передохнуть. На территории вокруг грустили и отдыхали другие ребята из отрядов. Я пытался выцепить среди них Витю, но его и след простыл. Заиграл медляк. Вокруг меня становилось всё больше одиноких мальчишек и девчонок, каждый из них надеялся с кем-то потанцевать, но и каждый боялся отказа. Как и я. Безнадёжно пытался выцепить глазами теперь уже не Витю — Машу. Я нервничал и совершенно не знал, что буду делать, если внезапно встречусь с её взглядом. Жаль, что в эти годы мы так хрупки. Сломать нас, обречь на вечную неуверенность в себе можно по щелчку пальца. Вселенная очень жестока к подросткам.

Но я увидел Машу, бодро шагающую в мою сторону с застенчивой улыбкой на

устах, и сразу почувствовал себя под светом тысяч прожекторов. Белая полупрозрачная рубашка и короткая вельветовая юбка. Волосы — пшеничное поле и нетронутые горные цветы. Как будто всё это время она не являлась частью диких танцев. Казалось, она вовсе не из этого мира. Меня оглушила её красота, её смелость. Она что-то сказала, но я видел лишь образ — уложенные волосы, изумрудные, горящие искренней надеждой глаза, полурасстёгнутую блузку и тонкие белые ноги. В её движениях — ни капли сомнений, неуверенности и страха. Она взяла меня за руку — и я поддался. Её кожа — бархат и тепло. Вся она — воплощение вселенской любви.

Мы вышли на танцпол. Я не мог оторваться от её великолепных глаз, она читала меня. Учила наизусть. Затем положила голову мне на грудь. Сердце старалось вырваться ей навстречу, со всей силы молотя в грудную клетку. Я чувствовал лишь её руки на своих плечах и не видел ничего вокруг. Не видел, как Витя танцевал с Аней. Не видел, как подростки вокруг смотрели на танцующих, сожалея, что в этот странный вечер они одни. Не видел, как Арсен курил в темноте за углом здания, испепеляя нас ненавидящим взглядом.

Когда песня закончилась, мы с Витей нашлись. Я не знал, что сказать ему, лишь улыбался и краснел, как и положено глупому влюблённому подростку. Витёк тараторил и тоже краснел. Справлялся с пережитым стрессом в свойственной ему манере. Я его почти не слушал, перед глазами стелился тающий образ — я снова переживал танец с Машей. Затем он внезапно хлопнул меня по плечу.

— Меня Анька позвала за корпус после танцев. Там будет Игорёк, а ещё другие девчонки. Надо успеть, пока отбой не дали.

— Угу.

Витька убежал со скоростью пули. Я всё ещё улыбался, глядя на асфальт, вложив руки в карманы. Нащупал найденную монетку, повертел её в руках, вытащил. От шершавой поверхности отражался фонарный свет. Мне казалось, что древняя монетка светилась, переливалась бледно-голубым светом. Поражённый открывшимся мне таинством, я не заметил, как ко мне подкрались.

— Ну что, ловелас, попал ты,— объявился Арсен вместе с Тёмой и Саньком — главными старшаками лагеря и корешами вожатого Коли.

Я вздрогнул и резко перевёл взгляд на них. Впал в ступор — не знал, что сказать, что сделать. Волки окружали меня, хотели сожрать.

— Понравилось с моей тёлкой танцевать, сучонок? Ща тебе кое-что ещё понравится.

Я не успел даже поднять руку — Арсен ударил меня в нос. Я повалился на землю, уши заложило. В горло хлынула кровь, я закашлялся, сплюнул. Тело окаменело, и я не мог пошевелиться. Сплёвывал кровь и слюну, но они будто застыли в горле. Не знаю почему, но я всё ещё держал в кулаке зажатую монету. Почувствовал, как двое хватают меня за руки и несут за столовку — в лесополосу. Голова кружилась, я попытался вырваться, и тут же в живот прилетел удар. Из меня полностью вышел воздух. Проглотил кровь и сразу подавился.

Меня скинули в кусты между деревьями. Я обернулся и увидел три тёмные фигуры, позади них — здание столовой. Оно казалось таким далёким, будто видишь экзотические края по телевизору. А ты здесь, в грязи и полном отчаянии, и не можешь ничего сделать.

— Надо было после футбола с тобой всё порешать. Смелый такой, что ли, а? — удар по ногам.

Я быстро согнул их, прикрыв одной рукой колени, а другой опершись о землю. Я знал, что никакие разговоры мне здесь и сейчас не помогут. Разве способны слова спасти от разъярённых животных? Я попытался подняться, хватаясь за дерево, сжав кулаки и высматривая путь к спасению. В тот момент я испытал странное чувство, будто монетка, сжатая в руке, придаёт мне некую силу.

— Разве хорошо так делать, а, братан? Ты же с моей тёлкой танцевал, все знают об этом. Ты кто такой, а? Не уважаешь меня? Почему не уважаешь, а?

Я лишь стоял и смотрел, пытаясь уничтожить его взглядом. Время от времени сквозь деревья я замечал любопытствующих ребят, выглядывающих из-за столовой. Ну как же! Такое редкое зрелище! Арсен ходил взад-вперёд, изображая босса.

«Зачем вы существуете?»

«Ненавижу вас».

«Ненавижу».

«Пропадите вы все пропадом!»

Я видел столовую, подглядывающих детей, я хотел, чтобы никого вокруг не стало. Чтобы никто не видел мой позор. Я так хотел сохранить лицо, так хотел, чтобы никто не видел мою слабость.

Позади леса что-то хрустнуло. Раздался гул. Я в ужасе обернулся, готовый сойти с ума от нервов, заорать, чтобы все вокруг оставили меня в покое. Позади ничего не было — лишь тьма. Голова гудела, глаза хотели лопнуть. Внезапно взгляд начал выделять формы: стволы деревьев, кустарники, сетку старого ржавого забора, наполовину утоптанного в землю, мусор. А затем обломки забора внезапно начали походить на острые зубья оскалившегося мёртвого леса. Над ними проступили чёрные тени с искорёженными лицами. В моей голове завопили миллионы голосов, и слова их источали смрад ужаса. Так кричат только от нечеловеческой боли, перед самым лицом смерти. Тени заполняли пасть леса, приближались ко мне с протянутыми руками и стекающими с черепов лицами, и я, не помня себя от ужаса, унёсся из этого проклятого места прочь.

Спустя некоторое время я очнулся на другом конце «Светлячка». Меня вывела из оцепенения заплаканная Ольга Сергеевна. Она что-то говорила о лагере, моём разбитом лице и ребятах. Говорила, что не может найти Женька, Колю, Тёму, Санька, Арсена и других ребят помладше. Она отвела меня в медпункт

и оставила там на ночь. Мою первую в жизни действительно бессонную ночь.

Наутро приехала милиция.

— Ребята говорят, ты как ошпаренный выскочил из леса с расквашенным лицом и орал не своим голосом,— сказал один из милиционеров со скучающим видом, а затем вдруг прервался, взглянув на Ольгу Сергеевну позади меня.— Что ты делал в лесу? Тебя кто-то побил?

В этот раз сердце хотело вырваться из груди и больше никогда не возвращаться. Мы с ним оба не понимали, что произошло, оба боялись, хотели скрыться. Я выдал им всё, и, конечно же, никто мне не поверил. Сослались на шок.

Туман медленно покрывал воспоминания липким белёсым паром, оставляя чёткими лишь вопли и изуродованные лица теней. С каждым новым витком воспоминаний моя жизнь медленно распадалась на «до» и «после». Я сидел в медпункте под надзором офицера и врача, а те безнадёжно заевшим патефоном пытались вытянуть из меня хоть что-то похожее на привычную им правду. А затем пришли Витя и Аня с Машей.

— Ты что, их всех убил? — аккуратно спросила Аня, опасливо подняв брови.

— Ты дура, что ли? — возмутился Витька.— Никого он не убивал — это всё призраки леса...

На этих словах я вздрогнул и едва не выронил кружку с чаем.

— Призраки?

— Ага, помнишь, пацаны рассказывали? При СССР здесь была тюрьма, а до неё — лагерь военнопленных. Тут стольких поубивали... Чего только в этих лесах с тех пор не водится... Ой-ой.

— Перестань! — Маша ткнула Витька в плечо.— Нет здесь никаких военных призраков,— она нежно коснулась моего запястья: — Поправляешься?

Я улыбнулся.

— Да, я в порядке.

Мне и правда стало лучше, но ненадолго. Я заметил потерянность в глазах Маши. Впервые за всё это время она грустила и уже не смотрела на меня, как прежде.

В тот же день смену распустили, и родители забрали детей из лагеря. На поиски пропавших бросили все силы местной милиции и внутренние войска — прочесали лес, все дикие земли вокруг, перерыли всю глину, но не нашли ни отпечатков обуви, ни обрыв-

ков одежды, ни намёка на пребывание детей в глубинах старого леса.

Я вернулся домой, но, помимо кошмаров и бессонных ночей, в мою жизнь ворвались письма с угрозами изнывающих от тоски по своим детям родителей, их мольбы и проклятия, а отец Арсена — в те времена влиятельный бизнесмен нашего города — пугал мою семью расправой. Из-за него мой отец лишился работы, и нам пришлось как можно быстрее переехать в другой город. Тогда я не осознавал, за что они так со мной, и только позже начал понимать их состояние. Единственный, кто может знать хоть что-либо об исчезновении десятка детей, выбегает из леса с разбитым лицом и несёт чушь об ужасных тенях со сползающими лицами.

Машу я с тех пор больше не видел. Её образ покрылся туманом, но всё ещё ярко выделялся на фоне всех девушек, которых я знал после нашего расставания. Там, в медпункте, я чувствовал, что она винит меня в исчезновении ребят, я ощущал её пронзающий взгляд, направленный прямиком в чёрный корень моего трусливого нутра. Она знала, что я виноват, но не понимала, что именно я сделал.

Желание. Единственное, что я сотворил,— пожелал. Всего лишь пожелал, чтобы обидчи-

ки исчезли. Я не знаю, как, но Вселенная меня услышала. Хотя нет, вру — знаю. Это монетка. Странная, непознанная, появившаяся откуда ни возьмись, напитавшаяся моей болью, моими низкими желаниями,— она и сделала так, как я хотел. Я уверен, что это она вызвала тени. Другого объяснения у меня нет. Этот дрянной кусок металла исчез сразу же после той ночи.

Не знаю, жалею ли я о том, что Арсен пропал, ведь неизвестно, что бы он тогда со мной сделал. Точно могу сказать — ни Коля, ни Женёк, ни даже, может быть, Тёма с Саней, ни другие ребята, которые наблюдали за моим избиением, не заслужили такой участи — кануть в небытие, будто их и не существовало. Их лица иногда проскальзывают в моих кошмарах — сухое, недвижимое лицо Женька, пухлое, испуганное лицо того толстого паренька, что стоял на воротах за нашу команду, и... лица Вити, Маши и Ани. Своим желанием, своей волей, противоречащей воле Вселенной, я проклял их. Может быть, даже убил. Изменил уготованную им судьбу.

Спустя девять лет после возвращения из «Светлячка» меня нашёл Витька. Я тогда жил один и за эти годы успел сменить три города.

За исключением нескольких электронных писем, мы почти не общались. Из них я узнал, что последние пару лет Витя и его лагерная подружка Анька жили вместе. Часто царапались, кусались, потом мирились.

Витя легко нашёл меня — спросил адрес у родителей. Если бы я знал, с какой новостью он ко мне явился через столько времени, я бы вряд ли открыл дверь.

Когда Витя вышел из ванной, я жестом пригласил его сесть и спросил:

— Чай будешь?

— Водки, если есть.

— Не пью.

— Повезло.

Витя облокотился на стол и устало потёр раскрасневшееся лицо. Из активного жизнерадостного пацана он превратился в усталого, вечно пьяного юношу. Серые, близко посаженные глаза и тонкий рот всё ещё выдавали в нём моего старого приятеля.

Я налил чай в две кружки.

— Какими судьбами ты к нам из Питера? — начал я весело, но тут же прервался, только сейчас разглядев в чертах его лица серьёзность и глубокую печаль.

— Машка умерла. Повесилась. Мне... Анька сказала. Неделю назад.

Я остановил чашку возле рта, не успев поднести к губам.

Блики от наших кружек разлетались по кухне, птицы за окном встречали рассвет, распевая утренние гимны. Дым из чашек медленно стремился вверх. Мы сидели, уперев глаза в стол. Я не мог соотнести смерть жизнерадостной Маши с наступающим рассветом. Прошла вечность. А затем снова. За окном слышались смех и гул машин, а я всё ещё не мог понять, что происходит. Из оцепенения меня вывел гудок теплохода. Я расцепил закостеневшие пальцы и поставил кружку. Встал и начал ходить по комнате, как идиот, потирая висок и пытаясь уместить новую информацию в голове.

— Как? Почему?

Витя оторвал взгляд от стола. В глазах мелькнуло облегчение.

— После того как мы вернулись из лагеря, ей начали мерещиться голоса. Насколько я понял, она всё это время лечилась. Даже в клинике пару раз лежала. Она... буквально застряла в «Светлячке», понимаешь? Маша часто звонила Аньке и говорила, что в их смерти...

— Они исчезли,— сказал я холодно.

Витька взглянул на меня осуждающе.

— Она уверяла, что в их... исчезновении виновата она. Всё корила себя за то, что танцевала с тобой, хотела позлить Арсена после их расставания, и из-за этого он повёл тебя в лес. Она так себя накрутила, что довела до сумасшествия. Голоса каждый день пытались добить её.

— Хватит.

Я смотрел в окно, но ничего не видел. Пустота снаружи. Пустота внутри. Вся моя жизнь — одна большая глупость. Шутка дьявола.

— Анька меня бросила после этого. Сказала, что уезжает в другой город — учиться на какого-то криминального мозгоклюя. Говорила, не хочет больше жить с «пропащим алкашом», вспоминать лагерь, Машу. Говорила, что хочет порвать с прошлым. Я запил на несколько дней, потом решил к тебе в гости прилететь.

— Что ж, добро пожаловать, Витя,— сказал я, задымив сигаретой в открытое окно.

Голова гудела. Я лежал на кровати, бессмысленно таращась в потолок. Если я и сегодня не приду на работу, меня уволят. Пускай.

Сегодня мне снилась Маша. Над ней вилась стая светляков, освещая её бледное, осунувшееся лицо. Позади неё медленно шевели-

лись тени. «Спаси нас!», «Мы не виноваты!», «Это всё ты сделал!», «Почему ты так с нами?!» Их вопли постепенно стихали — тени сдирали их вместе с лицами. В конце концов я перестал различать слова, и вопли превратились в гудок корабля.

Десять лет они со мной. Все они. Навсегда. Ведь я не смогу их забыть — светлячки не дадут мне этого сделать. Я тысячи раз проклял себя. Тысячи раз обвинял. Тысячи раз пытался простить себя. Не смог.

«Кажется, я придумал: ты стой на защите, а я — в нападении». Встав с кровати, я открыл окно. Морской воздух обдал меня могучей волной. Я закурил и посмотрел вниз. Там — асфальт, трава. Очень далеко.

— Хороший план, Генка. Хороший план.

Спасение

Пётр Петрович в одиночестве сидел за столом и пил водку. Он сидел с самого утра, в одном исподнем, в грязной, замусоленной белой майке-алкашке, забаррикадировавшись несколькими ящиками с заветной жидкостью, которая заменяла ему бессмысленную жизнь. Он и не заметил, как за окном на измученный жарой город только-только бесшумно опустились прохладные сумерки — серые, в тон цементных стен пятиэтажек. На полу грязной кухни, как кегли, валялись опрокинутые бутылки. В знойном, густом от табака воздухе летала пыль и стоял невыносимый запах пота, алкоголя и тухлых овощей. Типичная погода для середины июля. Типичные выходные никому не нужного трудовика из провинциальной школы в городке на краю мира.

Когда в дверь постучали, Пётр Петрович не сразу понял, что незваные гости наведа-

лись именно к нему. Сначала звук отдавался далёким эхом где-то в замутнённом подсознании и не нашел отклика в мозгу. Затем стук усилился, к нему прибавился охрипший от старости дверной звонок. Пётр Петрович выпал из пьяного забытья и тупо уставился на металлическую входную дверь в другом конце коридора. Несколько секунд он сидел, потерянный, тщетно пытаясь представить, кто мог им заинтересоваться. «Может быть, кто-то из учителей решил проведать меня? Может, это Алиса Дмитриевна? Или Елена Ульяновна? Да вот ещё! У них свои семьи, и нечего им больше делать, кроме как вечером в субботу идти в гости к старому алкашу. Может, это благодарные дети? А почему нет? Ты этих балбесов научил многим полезным вещам: табуретки собирать, напильником работать...»

Пётр Петрович, движимый надеждой и покрасневший от напряжения, не взглянув через дверной глазок, сразу же открыл дверь. На пороге без капли смущения, с улыбками на лицах, словно свидетели Иеговы, стояли зелёные человечки. Очень высокие и костлявые.

Пока челюсть Петра Петровича отплясывала на полу, словно подброшенная монетка, гости, не дожидаясь приглашения, зашли

в квартиру. Все четверо теперь топтались на обветшалом коврике с едва видимой надписью «Вам здесь всегда рады!».

— Ну, что-то подобное я и ожидал увидеть, капитан,— сказал один из пришельцев, оказавшийся чуть ниже остальных и немного шире в плечах. Не обращая внимания на реплику коллеги, другой гость обратился к Петру Петровичу всё с той же искусственной улыбкой:

— Здравствуй, товарищ Пётр! — под шеей у пришельца при каждом слове мигало некое устройство, похожее на ёлочную игрушку.— Зови меня Ноль-Ноль-Один. Я являюсь капитаном данной команды,— он указал рукой на троих своих спутников, и те улыбнулись ещё шире, отчего неестественность их улыбок стала зловещей.— Это Ноль-Ноль-Два, Ноль-Ноль-Три и Ноль-Ноль-Четыре.

Старый трудовик едва смог преодолеть шок и осторожно спросил:

— Какими судьбами вы... к нам?

— Мы исключительно к тебе, Пётр. Ты позволишь? — капитан зелёных человечков указал в сторону кухни.

— Конечно! — трудовик поторопился смести пустые бутылки со стола, но капитан жестом остановил его.

— Не утруждайся. Нас устраивает обстановка. Мы пришли к тебе по делу, Пётр,— начал капитан, усевшись напротив трудовика.— Видишь ли...

— А я ведь всегда знал, что вы существуете,— сказал трудовик, обнажив в улыбке пожелтевшие зубы.— Сколько лет я знал, доказывал, что мы не одни во Вселенной, пытался учеников своих убедить, а они всё смеялись...— старик налил себе и своим гостям, благо разномастной посуды на столе хватало.

— Так вот,— капитан перевёл взгляд с хозяина на стакан с водкой, при этом его лицо почти не изменилось, и хотя улыбка спала, но тон оставался благожелательным,— наш корабль... ему необходима дозаправка. Топливо. Мы летим уже очень долго, скрываемся от имперского флота за наши взгляды. А наши взгляды, скажем так, касаются того, что человечеству стоит дать шанс на выживание и даже подкинуть вам пару-тройку технологий. Мы, в отличие от Империи, верим, что люди могут быть хорошими. Так вот, Пётр, я веду к тому, что ты нам очень поможешь, если отдашь нам свои... бутылки.

Пётр Петрович вперил в гостей покрасневшие от высокого давления глаза.

— Да, нам нужны эти бутылки. В их составе есть вещество, которое позволит нашему кораблю продолжить путь. Мы переработаем их на своём корабле и кое-что добавим. А взамен... Единственное, что мы можем тебе предложить взамен,— это взять тебя с собой. Ты улетишь с нами, прочь от этой жизни.

Пётр Петрович отставил стакан, помрачнел и задумчиво уставился на свои ноги в истоптанных, рваных тапках. Ему сложно было поверить, что он, алкаш, разрушивший свою семью и ничего в жизни не добившийся, может помочь не только человечеству, но даже иной цивилизации. Но Пётр Петрович не позволил этой мысли затуманить свой разум и слишком сильно повлиять на решение.

— Разве я не буду вам обузой в пути? Зачем вам на корабле такой, как я? И где вообще ваш корабль?

— Взгляни в окно,— капитан указал костлявой зелёной рукой в сторону окна.

Пётр Петрович прищурился и увидел переливающийся разными оттенками зелёного корабль пришельцев, левитирующий в воздухе среди густых древесных крон. Корабль был небольшого размера и напоминал летающую тарелку.

— Не могу поверить...

— Если же говорить о твоей пользе для нас,— продолжил капитан,— то ты и сам прекрасно знаешь, на что способен. Твои навыки пригодятся на нашем корабле гораздо больше, чем твоим неблагодарным ученикам. К тому же ты научишься у нас многому, ведь ты всегда хотел стать учёным, да? Конечно. Но в жизни не всё происходит по нашему желанию. Сколько работ ты сменил, пытаясь выбиться в люди, прежде чем отчаялся и устроился работать в школу за гроши? И теперь в этой глуши тебе приходится сносить унижения не только от... э-э-э... педагогического состава, но и от школьников. В те времена, когда у тебя были силы и возможности, когда было столько вариантов добиться своей мечты, когда ты был так молод... Что тогда пошло не так? Когда ты решил, что вместо того, чтобы решать проблемы, лучше от них убегать? Были времена, когда ты боролся, как лев, за любые возможности, но твоя железная воля ослабла после первой серьёзной попойки с парой коллег в гараже. Ведь тогда ты понял, что жаловаться на проблемы гораздо приятнее, чем решать их? Или, может быть, ты решил сдаться раньше, когда зимой 2015-го очередной шеф-недоносок отказал тебе в повышении? В тот день ты пошёл в бар

и так напился, что тебя с трудом откачали. В то время у тебя ещё был кто-то, кому на тебя не наплевать,— капитан сделал паузу и вздохнул: — Что ж, сейчас у тебя есть шанс начать всё с чистого листа и стать тем, кем ты всегда хотел быть. К тому же что тебе делать здесь, на Земле? Жена давно бросила тебя и ушла к перспективному молодому банкиру, забрав с собой дочь. Где они сейчас? Где-нибудь в Италии, наслаждаются морскими видами и живут на вилле? Они тебя давно уже не вспоминали и уже точно не вспомнят. Сколько сейчас твоей дочери? Восемнадцать? Теперь у неё наверняка есть не только телефон, который она у тебя так настойчиво выпрашивала, но и дорогая одежда, тусовки в элитных клубах, машины. Твоя жена отдыхает на роскошных пляжах и ведёт какой-нибудь фитнес-блог в «Инстаграме». А что у тебя? Грязная однокомнатная квартира, разбитые мечты и повсюду бутылки, бутылки, бутылки. Мы дадим тебе новую жизнь, тебе нужно только согласиться.

Пётр Петрович и не думал задаваться вопросом, зачем им так понадобился старый больной трудовик и откуда они всё это знают. Он размышлял лишь о своей судьбе, заливая в себя один стакан за другим. Он не обратил

внимания на то, что стаканы гостей остались нетронутыми, лишь сжался в комок, будто пытаясь спрятаться в сиденье стула.

— А как же школа? — прохрипел трудовик.— Как же мои ученики? Я ведь...

— Ты никогда не хотел учить этих идиотов,— перебил трудовика капитан.— Вспомни, как они ведут себя на твоих уроках и как постоянно за глаза смеются над тобой. Ты должен понять, что мы с тобой похожи. Твой народ, как и мой, отказывается мириться с тем, что у каждого могут быть свои взгляды и убеждения. Нас преследуют, травят. А учителя? Вспомни этих мегер, что каждый раз нет-нет да и заденут тебя обидной шуткой о твоей семье, о твоей зависимости. Ответь мне на один вопрос: когда ты год назад болел ангиной, кто-нибудь пришёл к тебе хоть раз в течение тех ужасных двух недель, когда ты даже с постели встать не мог? Кто-нибудь звонил тебе в то время? Всем уже давно плевать на тебя, товарищ,— капитан похлопал осунувшегося трудовика по плечу.— Прости за эти слова, но дела обстоят именно так. Разумеется, тут не только твоя вина, но всё-таки именно ты виноват по большей части. В этом мире ты жалок. В нашем же у тебя есть шанс стать значимым индивидом.

Пётр Петрович сидел молча. Уставившись в пол, он впился руками в свои волосы так, что костяшки пальцев побелели, а потом со всей силы ударил кулаком по столу. На пол полетели стаканы, недопитая бутылка водки, пепельница. Лица пришельцев оставались всё такими же холодными, он чувствовал, как их взгляды вонзались в его подсознание, отчего ему становилось стыдно всё больше. Ирина, Лика — все ушли, бросили его. Если он исчезнет, никто и никогда о нём не вспомнит, никто о нём и слова доброго не скажет. В этом мире ему нет места.

Пётр Петрович заплакал. За всю жизнь он никогда так не рыдал. В голос, всхлипывая, утирая ручьи слёз, царапая лицо и вырывая волосы. Он кричал, бил по стенам, пока кровь из костяшек пальцев не отпечаталась на обоях и не закапала на пол.

— Побереги силы. Нам ещё нужны твои руки,— Ноль-Ноль-Один встал, подошёл к окну и протянул к Петру ладонь приглашающим жестом.

Мужчина стоял спиной к гостям, прислонившись к стене, и тихо всхлипывал. Он знал, что они ждут его, знал, что пойдёт с ними. Медленно оторвавшись от стены, он, не глядя на гостей, подошёл и подал руку капитану.

Теперь они стояли на краю оконной рамы, наблюдая, как корабль, медленно переливаясь зелёными оттенками, подплывал к окну. Люк в центре летающей тарелки с шипением приподнялся, и капитан, ступив на корабль, слегка потянул за собой Петра Петровича...

Сделав только первый шаг внутри корабля, старый трудовик почувствовал, как его тело становится легче, будто его одолела невесомость. Сделав второй шаг, он словно очнулся. Голова стала яснее, мысли поплыли ярким густым потоком. Пётр Петрович почувствовал такое облегчение, словно с него сняли все земные оковы, залечили все душевные раны и сняли ужасный психологический груз. От такого удивительного чувства, которое мужчина в своей жизни ещё никогда не испытывал, он словно впал в забытье, наслаждаясь, ловя каждый миг.

С этих пор он уже ничего не помнил о своей прошлой жизни, совершая удивительные приключения во многих уголках Вселенной со своей новой командой. Командой, о которой он мог только мечтать.

Зубойня

— Вам назначено?

— А? — растерялся я, в очередной раз о чём-то задумавшись.

— Вам назначено? — переспросила полная женщина в очках, сквозь толстые линзы которых проглядывали карие глаза с выражением вселенской ненависти.

— На одиннадцать тридцать.

— Фамилия врача?

— Лосева.

— Четвёртый этаж, четыреста десятый кабинет.

Народу было так много, что я едва успевал уворачиваться то от припадочно снующих детей, то от их истерично вопящих матерей. Я зашёл на лестничную площадку и едва не наткнулся на яростно сосущуюся парочку — гопастого вида парня в красной олимпийке с надписью «RUSSIA» и его подружку. Сделав

уворот, я взлетел по лестнице, боясь, что их губы всосут меня в свой бесстыдный мир. К моему удивлению, я оказался единственным возле кабинета. Справедливо решив, что можно входить, я переступил порог.

— Вы записывались?

— Ага.

— В коридоре подождите.

Ждал недолго. Зайдя в кабинет, я уселся в удобное кресло под холодный взор одноглазой лампы, и внутри у меня ожидаемо возникла липкая нервозность. Обычное моё состояние у стоматолога.

— Идите на снимок в четыреста девятнадцатый либо в четыреста двадцатый кабинет,— сказала врач, предварительно осмотрев мой несчастный зуб.

Я легко нашёл нужные кабинеты, правда, очередь ожидала почему-то только у одного из них. Масса тел, разбросанная тёмными пятнами по всему холлу, копошилась возле дверей, стен, скамеек. Из недовольного шёпота и перемолвок узнал, что по странному стечению обстоятельств четыреста двадцатый кабинет не работает. Я разочарованно вздохнул.

— Кто последний на рентген?

Молчание. Звенящее молчание. Даже шёпот смолк. Куча глаз уставилась на меня, буд-

то надеясь, что я прочитаю их мысли и сам сделаю вывод, кто тут в хвосте. Я подождал, пока мне кто-нибудь ответит, затем переспросил. Прошло ещё несколько секунд, и на меня отреагировал старик лет восьмидесяти с тростью и в потрёпанном клетчатом пиджаке. Глядя на него, так сразу и не скажешь, что в этой ситуации он окажется самым сообразительным.

— Тут девушка занимала... такая,— он замялся и по-стариковски причмокнул,— в синем. Молодая. За той женщиной,— он кивнул в сторону грузной дамы в сером пиджаке и торчащими вверх, как у Мардж Симпсон, волосами. Та отвлеклась от телефона и посмотрела на меня так, словно увидела раздавленного таракана. Я кивнул дедку в знак благодарности и сказал, обращаясь к женщине:

— Тогда я за вами, если что...— не знаю зачем, но я подождал от неё какой-нибудь реакции. Лица остальных заметно расслабились, и они облегчённо отвернулись. Я решил закосплеить окружающих и встал точно так же: подперев стену и уткнувшись в телефон.

Спустя пару минут в очереди прибавилось бабок и мамочек со своими «зайками». Ещё через пару минут сквозь толпу, тараторя извинения, осторожно протискивалась совер-

шенно очаровательная невысокая девушка. На вид ей было лет семнадцать-восемнадцать. Она робко прижалась в одном из закутков рядом с двумя гостями с Очень Ближнего Востока, активно что-то обсуждающими на своём наречии с вкраплениями русского мата и упоминаниями частей женского тела. Девушка быстро и нерешительно скользила взглядом по лицам. Когда наши взгляды встретились, внутри меня словно случился Армагеддон. Её зелёные глаза всколыхнули во мне неведомые силы — непоколебимые горы сдвинулись, стремительные реки вышли из берегов, бесконечные океаны затопили безжизненные пустыни. Я почувствовал, что отныне между нами возникла неразрывная связь, которую никакие стихии не в силах уничтожить.

Она смотрела на меня немного дольше, чем на остальных, губы её тронула улыбка. Затем девушка смущённо опустила взгляд в телефон. Тонкие пальчики нежно обхватывали белый корпус айфона — она печатала кому-то сообщение. Я украдкой поглядывал на неё. Одета по-простому: тёмные джинсы, белые кроссовки и синяя футболка с надписью «Captain Marvel». Короткие соломенные волосы едва доставали до плеч.

Вдруг меня, самозабвенно наблюдавшим за чудесным существом, прервал хриплый голос, будто созданный для предъявления претензий:

— За ней будете, молодой человек.

Я посмотрел в сторону пугающего звука. То была Мардж. Теперь, вдобавок к этой странной причёске, я заметил безуспешные её попытки омоложения: нелепая и пошлая красная губная помада, лицо сально блестело. Женщина кивнула в сторону новоприбывшей в синей футболке, которую я так увлечённо разглядывал.

— А-а... спасибо.

— А вы за кем будете? — вопрос прозвучал со стороны кабинета.

Я с любопытством взглянул в сторону звука. Низенький, ухоженный, коренастый мужичок с писклявым голосом, одетый в дорогой костюм, отбивался от претензий крепкого лысого мужика с татухой в виде креста на шее.

— Как за кем? Вот за ней,— писклявый кивнул в сторону клиентки, которая только что вышла из кабинета.

— А я тогда за кем занимал? — татуированный боднул головой в сторону низкого.— За вами же? — он задал вопрос клиентке, но ту

уже как ветром сдуло, и вопрос татуированного, скорее всего, не достиг её слуха. Очевидно, она не собиралась больше участвовать в этом представлении.

— Э, слыш! Тьфу, ёпт... Короче, мужик, сейчас моя очередь.

— Извините,— робко вмешался в разговор худой бледный парень с тщательно замазанными прыщами на лице и серьгой в носу,— сейчас его очередь,— он кивнул на низкого,— наверное...

— Ты кто такой вообще?

— Я, между прочим, феминист,— уже громче, со звенящими нервами в голосе сказал парень и заискивающе прошёлся по каждой особи женского пола в очереди.

— Не лезь, щенок! — глаза татуированного налились кровью, и парень затих, будто обухом огрели.

Люди напряглись, и по рядам прошлись первые шепотки... Мы обменялись встревоженными взглядами с девушкой в футболке с надписью «Captain Marvel». Капитанша — так буду её звать — и я подумали, что наверняка у нас с ней много общего, раз мы вполне способны понимать друг друга по глазам.

Шум усилился.

— Молодой человек, я точно помню, что изначально занимал вот этот мужчина,— женщина тридцати лет в вызывающем красном платье и с нелепым гнездом на голове кивнула в сторону низкого, кокетливо улыбнувшись.

— Да что ж вы такое говорите? — возмутилась Мардж и игриво стрельнула глазками в лысого.— Этот мужчина пришёл одним из первых и давно занял место. А я как раз за ним.

— Я пришёл сюда одним из первых, когда здесь ещё никого не было,— ответил ей низкий.

— А я здесь с шести утра сижу! — завопила тощая бабка, вылезая из большого горшка с растением, всем своим видом напоминающим пальму, и, оглядев присутствующих презрительным взглядом, залезла обратно.

Все люди из очереди недоумённо посмотрели в сторону таинственного горшка. После общего ступора, длившегося несколько секунд, воздух разорвало настоящее буйство десятков голосов, пытавшихся перекрыть друг друга. Они кричали и спорили — кто об очерёдности, кто о возможности жить в горшке с цветком, напоминающим пальму. В этой

неразберихе я осознал только одно — совершенно никто не хотел уступать.

Как-то сама собой толпа разделилась на два лагеря: первый — во главе с низким, которого я прозвал Хоббитом, второй — во главе с лысым, прозванным мной же Актёром. Оба прозвища без стука вошли в мою голову и казались совершенно очевидными. Низкий слишком похож на Хоббита — небольшой рост, в теле, с круглым носом и кудрявыми волосами. А татуированный поражал экспрессией в спорах с окружающими. Суетливой людской волной меня вынесло на берег лагеря Актёра, а моя возлюбленная оказалась у Хоббита. Я хотел было переметнуться в другой лагерь, ближе к ней, увести её в безопасное место... Но было уже слишком поздно.

Бойцы недобро поглядывали друг на друга, всем своим видом выражая желание схлестнуться не на жизнь, а на смерть, хотя бы на время забыв об ипотеках, кредитах, алиментах и ежедневной бытовухе. Им хотелось ощутить в своих венах потоки живительного адреналина, слить накопившуюся многолетнюю агрессию и вцепиться, наконец, в горло новоявленного врага изо всей силы. Укажи им сейчас на кого угодно — вонзят когти и изорвут, да потом ещё и недоб-

рым словом вспоминать будут: мол, сами виноваты.

Они нетерпеливо подпрыгивали и разминали плечи. Бабки набивали сумки цветочными горшками, котами, посудой и другим хламом, одновременно читая молитвы за упокой. Настоящие Мужики натирали платочками до блеска рога и на всякий случай готовили кошельки. Элитные подразделения яжматерей доставали из сумок грязные пелёнки и заряжали ими своих заек.

— Даю тебе последний шанс отступить! — провозгласил Актёр, размахивая руками, аки заправский проповедник, едва не заехав по физиономии Мардж, восхищённо наблюдавшей за его игрой.

— Ни за что! — взвизгнул Хоббит и почти догнал по актёрской игре своего оппонента, чем заставил женщину в красном платье ахнуть в восторженном исступлении.

Итак, армии сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень.

Тощий феминист, не успев встать, был сразу сражён наповал ударной волной схлестнувшихся армий. Актёр, напевая вместо боевого клича главную тему из сериала «Бригада», прорубил авангард бабок, вооружённых авоськами и полосатыми сумками, аки топор

сухое полено. Хоббит подпрыгивал за основными силами и авангардом, как моська перед слоном, и угрожал одновременно судом и нужными связями. Перед ним, сняв туфли с острыми каблуками и раскручивая их на пальцах, аки саи, согнулась в боевой стойке женщина в красном платье. Рядом с актёром, работая длиннющими ногтями похлеще росомахи и вентилируя своей причёской, как боевым цепом, разбиралась с левым флангом Мардж.

Я едва успевал уворачиваться от мелькающих в воздухе кулаков, пяток, сапог, вставных челюстей и убийственной причёски, причём последнее оружие оказалось мощнее всех остальных вместе взятых благодаря чудовищному приторному амбре, разливавшемуся в воздухе после каждого замаха. Оказавшись в гуще событий, я думал только о том, как бы выйти из заведённой толпы хотя бы живым, чего уж там здоровым. Забившись меж двух цветочных горшков, я решил оценить ситуацию, понаблюдать за действиями и, если повезёт, увидеть, цела ли моя Капитанша.

Одна из самых набитых сумок прилетела Актёру по лысине, и тот, покачиваясь, отступил. Этого времени было достаточно для одной из старух:

— Помогите! Убивают! — на Актёра всем весом навалилась бабка, истерично вопя и сморщив древнее лицо до состояния усталого сухофрукта. Увидев, что ударная сила захлёбывается, в наступление пошли основные силы актёра — Настоящие Мужики. Они шли строем, выставив вперёд рога, что твои македоняне копья.

Сквозь открывшуюся брешь в авангарде после отступления Актёра я увидел, как два шумных гостя с Очень Ближнего Востока открыто домогаются моей Капитанши! Они прижали её к стене, а та делала вид, что её всё устраивает, но в её зелёных глазах я разглядел страх и крик о помощи!

Не раздумывая, я ринулся сквозь поле битвы — по кратчайшему пути, не обращая внимания на разрывающиеся возле меня снаряды и клацающие челюсти. Ловко перепрыгнув рога бравых Мужиков и увернувшись от боевой сумки, я оказался в глубоком тылу, перед лицом моего истинного врага. Эти обезьяны были слишком заняты Капитаншей и не успели ничего понять. Апперкот в челюсть одному, удар в пах другому.

— О мой спаситель! Я так рада, что ты пришёл! — Капитанша прижалась к моей руке.

Минуя поле боя через тыл армии Актёра, мы едва успели спрятаться, а затем услышали голос:

— Готовьте лица, мужики! — авангард бабок расступился, пропуская женщину в красном...

Настоящие Мужики дрогнули и отступили на шаг. За их спинами прятался Актёр.

— Даже не думайте отступать... нет! — крикнул Мужикам Актёр.

Женщина в красном шла прямо на вражеского лидера. Настоящие Мужики, преклонив рогатые головы и обнажив внутренности своих кошельков, расступились перед ней. Актёр боялся, а Хоббит ликовал...

— Только не это...— глаза Актёра полезли на лоб, на татуированной шее выступили вены...

Над полем битвы мелькнул огромный цветочный горшок, закрыв собой электрический свет ламп, и приземлился точнёхонько на лоб женщины в красном, и та, развернув в воздухе бравую сальтуху, глухо треснулась оземь.

— Актёр бьётся один?! — заорала бабка, поднимая над пепельной головой огромный горшок с папоротником.

— Не один! Не один! — гаркнул со всех сторон хор старческих голосов.

Горшки с цветками, между которых мы с Капитаншей прятались, с треском и скрежетом огромного древнего механизма внезапно оторвались от пола. Из трещин посыпалась земля, частички её падали на пол, как в песочных часах, словно отмеряя кому-то время. Капитаншу охватила истерика, и она оглушающе заорала, ещё крепче прижавшись ко мне и изо всех сил зажмурив глаза.

— Я войну и голод пережила! Будет мне указывать какой-то там...— лидерша горшочных жителей не успела закончить свою речь...

— Заряжа-а-ай! — раздался голос предводителя элитного подразделения яжматерей. Свет отступил в предчувствии недоброго, наполнился тенями, воздух вокруг сгустился и налился тяжестью, как перед грозой.

— ПЛИ!

Эта атака была сродни чему-то запрещённому, словно чёрная магия...

Тут уж в воздух одновременно полетели младенцы, размахивающие обгаженными памперсами, и цветочные горшки, и началась настоящая бойня. Дождь из дерьма и земли прорвал небеса, хор голосов маленьких бескрылых купидонов заглушал все звуки вокруг:

— Где алименты?!

— Я хочу новый планшет!

— Ты мне не отец!

— Что ж вы за люди-то такие?! — это был уже мой голос, осуждавший столь грязные приёмы. Настоящие Мужики попадали в обморок, но горшочному народу было всё нипочём.

В конце концов, армия Актёра одержала пиррову победу. Яжматери с Хоббитом отступили за рубеж, прихватив рассыпанные Настоящими Мужиками деньги, горшочный народец отстоял свой лес и вернулся в привычные места обитания. Сам Актёр в изнеможении прилёг отдохнуть возле четыреста двадцатого кабинета.

Я вышел из укрытия, держа Капитаншу за руку.

— Ну вот всё и закончилось,— улыбнулся я ей.— Меня, кстати, Сергеем зовут.

— Володя! — проорала Капитанша, отчего я впал в крайнее недоумение. Она вырвала свою руку и рванула к выходу.

— Володя, Володя! Где ты пропадал?! Я тебя так ждала!

Я обернулся и впал в двойное крайнее недоумение. Тот парень в красной олимпийке с надписью «RUSSIA», которого я видел в холле засасывающим какую-то левую бабу,

по-видимому, и был Володей. Он исподлобья глядел на мою Капитаншу.

— Эт чё за хорёк? — кивнул он в мою сторону.

— Он никто... ну, то есть... он меня домогался!

Я впал в тройное крайнее недоумение. Слова возмущения застряли комом в горле. Володя, недолго думая, в два движения подпрыгнул ко мне и одним ударом выбил из равновесия.

Я видел, как моя Капитанша уходит с Володей, клянётся и божится, что никогда ему не изменяла. Я лежал разочарованный, бессильный, убитый горем и отчаянием, опустошённый...

Из закрытого четыреста двадцатого кабинета, переваливаясь, сонной походкой вышла грузная доктор:

— Вот же люди пошли! И чая спокойно попить не дадут. Имею я, в конце концов, право на чай?..

Сезон гроз

1.

Адам сидел на забитой людьми последней скамье, ослепляемый солнечным светом, бьющим сквозь цветные витражи храма. Прибывающий через главные двери народ жужжал и скрипел, голоса сливались в единый гул, заставляя Адама периодически потирать бьющиеся в висках вены. Всю ночь и утро Адам не смыкал глаз, слушая громовые раскаты, ослепляемый вспышками толстых молний, и теперь его организм отчаянно протестовал против столь раннего подъёма. Тогда казалось, что грохот и треск раздавались над самым его ухом, а молнии веками питались солнечным светом, чтобы разделять небеса на иссиня-чёрные и бледно-фиолетовые. Но Адам, несмотря на разбитость, благодарил шторм, поскольку был избавлен им от бремени постоянно мучавших его снов и кошмаров.

Для Великого Удела — городка, где подобные штормы были плохим знаком,— присутствующие были слишком возбуждены и улыбчивы.

— Привет, Адам,— к парню подсела совсем молодая девушка. Несмотря на свою хрупкость и худобу, на скамейке своей широкой юбкой она заняла всё свободное место, совершенно стеснив движения Адама. Скрестив руки на коленках, прикрытых юбкой, она улыбнулась, глядя на скамейку впереди.— Сегодня ты будешь писать колонку о наступлении Нового года?

— Да, Прис. Это буду я.— Адам безразлично смотрел на амвон, за которым стоял проповедник Энда и говорил с семьёй мясника.

Присцилла плотнее прижалась к Адаму, обвела взглядом заполняющиеся людьми скамейки и, робко зажав руки в складках юбки между бледных коленок, то и дело посматривала на него. Адам покосился на девушку и сцепил руки на груди.

— Как думаешь, кого жрецы забрали сегодня ночью? — спросила она.

— Не думал об этом.

— Тебе совсем не интересно?

— Это у тебя дети, Прис, не у меня.

Присцилла хмыкнула и немного отодвинулась.

— Тебе совсем не важно, благословил нас Танаросс или нет? — спросила она чуть громче, привлекая внимание текущих сквозь главный вход прихожан. И у неё это получилось: пара взрослых мужчин в компании Ниалла — приближённого к Старейшине владельца единственного в городке оружейного магазина — покосились на них, не отрываясь от разговора.

— Конечно важно,— Адам солгал настолько убедительно, насколько смог.— Просто я уверен, что, кто бы это ни был, нас ждёт ещё один урожайный год.

После слов Адама блаженная улыбка вернулась на лицо Присциллы.

— Жаль, что они не забрали мою малышку Крис. Она так готовилась, так хотела помочь нам жить в изобилии и дальше.

Адам невольно скривил губы и перевёл взгляд с проповедника на украшавшие верх храма символы Танаросса — сплетённые из веток омелы сферы. Вливаясь в противоположную от входа стену, упираясь в крышу коронованной венком из омелы головой, возвышался вырезанный из дуба идол Танаросса. В одной руке гигант держал молнию,

в другой — исписанный священными рунами крестообразный медальон, чьи концы соединялись кругом. Адам достал из нагрудного кармана блокнот с карандашом и начал заносить образ идола на страницу, всем видом показывая, что вот-вот начнёт делать заметки. Присцилла замолчала, перестав рассчитывать на инициативу со стороны Адама.

Когда двери закрылись, проповедник Энда устроился за амвоном. Жрец надел белый плащ с зелёным шарфом — на новогодней службе он всегда одевался в зелёное и белое, отображая крайние циклы природы. Свои седеющие волосы он подвязал узким хайратником, поверх которого покоился венок с привязанными по бокам цветами ромашки. Улыбаясь полнозубой улыбкой, он простёр руки в стороны, словно пытаясь обнять всех присутствующих.

— Сегодня утром я проснулся в удивительном состоянии,— начал едва слышно Энда, гордо вытянувшись и неспешно вышагивая из стороны в сторону.— Во сне мне явилось великое знамение: клубящиеся чёрные тучи — город Танаросса возник над нашим скромным Уделом, не пролив ни единой капли дождя, ни единой молнией не сверкнув и не издав ни единого звука. Вместо этого

из туч выпорхнули два огромных орла и на спинах своих вознесли наш город в царство его. Я услышал голос нашего бога. И сказал он, что возблагодарит нас в этом году так, как не делал этого никогда прежде: поля наши обогатят нас урожаем, скот наш разрастётся, а наши души воспрянут от его благословения.

Раздался нестройный хор одобрительных возгласов и редкие хлопки. Адам сфокусировал внимание на рисовании линий в блокноте, делая вид, что выполняет свою работу,— ловит каждое слово, вырывающееся из уст друида. Он уже знал, что напишет для первой страницы в «Вестнике Удела». Ещё вчера он набросал часть текста, а сегодня к полудню составит оставшийся. Ничего особенного, всего лишь размазать фразу «жертва принята, значит, год будет успешный» на несколько колонок. Ортег, директор «Вестника», неделю назад недвусмысленно намекнул Адаму, что стоит почаще участвовать в жизни Удела, и послал его сюда. Потому Адам и сам был доволен сложившимся обстоятельством, поскольку и без надоедливого начальника осознавал надобность соответствовать окружающим.

— Да благословит нас Танаросс — защитник покоя нашего, душ наших, процветания на-

шего,— выговаривая каждое слово, громким поставленным голосом произнёс Энда.

— Да благословит он нас! — хор голосов отвлёк Адама от зарисовки сводов крыши и развешанных по стенам оберегов из веток, ягод и перьев. Он поднял голову на жреца, смотревшего в зал добродушно-покровительствующим взглядом.

— Пусть год наш будет пышнее и богаче прежних. Пусть жрецы Танароссa принесут нашу жертву в его обитель целой и невинной, и да возблагодарит он нас за сей дар. Да одарит нас щедрым урожаем и душевным спокойствием! Да смилуется он над всеми нами.

— Да будет так! — хор голосов усилился.

— Да! ДА!

Энда энергичным движением рук остановил разгорячённых прихожан. Драматичная пауза слишком затянулась. Жрец с наслаждением прикрывал веки и закатывал глаза, глубоко дыша и плавно выписывая руками тайные знаки. Он так сильно сжал губы, что те побелели и на фоне его красного, как у индейца, лица выглядели бессмысленной лишней деталью.

— Итак,— громовым голосом произнёс Энда,— кто же на этот раз стал жертвой во имя процветания Удела? Кто же стал тем из-

бранным, тем, кого осветил великий огонь Танаросса? Прошу встать того благословлённого, чьё дитя сегодня было заклано!

Никто не встал.

Головы сельчан в возбуждённом любопытстве скользили по присутствующим. Не обнаружив искомого, они хмурили брови и делались ревностно-серьёзными.

Энда повторил:

— Встань же, о избранный Танароссом! Встань, смиренный родитель и законопослушный житель Удела!

Никто не встал. Порывистый ветер непонимания пробудил шелест дикой травы обеспокоенных шепотков. Энда сверкнул глазами в сторону Вальтера — Старейшины Удела, стоявшего позади всех. Тот ничем не выдал свое беспокойство, лишь осматривал окружающих бледно-серыми глазами на вечно спокойном круглом лице с вершины своего постамента, скрестив руки на широкой груди.

Энда произнёс призыв в третий раз. И снова никто не встал.

Зал начал тихо гудеть. Адам спрятал свой блокнот и вытянул шею, чтобы оценить ситуацию. Присцилла обеспокоенно прижалась к Адаму и внезапно схватила его за

руку. Адам подавил порыв выдернуть руку, рассудив, что это не только обидит её, но и будет выглядеть подозрительно в глазах собравшихся.

— Что же это такое творится? — девушка сильнее сжала его ладонь.— Неужели родители избранного чада не пришли? Как у них хватило совести не явиться на священное действо?!

Присцилла покраснела. На лбу у неё запульсировала вена, а лицо исказилось отвращением.

— Подлые выродки. Уверена, жрецы забрали девку Питерсов, поэтому-то я сегодня их и не видела! Они никогда мне не нравились. Я знала, что с ними что-то не так. Они всегда так тряслись за свою Региночку, что, когда её забрали, сразу же покончили с собой!

Адам обернулся в сторону выхода, думая, можно ли сбежать, чтобы не вызвать вопросов. Возле двери стоял Вальтер со свитой — каждый активно говорил, жестикулировал и явно рвался поскорее разобраться в ситуации. Вальтер что-то прошептал, и окружавшие его громилы вышли из храма. Старейшина поправил галстук и смахнул испарину со лба. Вытащив из нагрудного кармана пиджака платок, он вытер очки и двинулся

в сторону нервно нарезающего круги вокруг амвона жреца.

— Слушайте! Слушайте! — грудной голос Старейшины разрезал вскипающую от напряжения атмосферу, как коса свежую траву, и все разговоры прекратились.— Самое главное для нас сейчас — не поддаваться иллюзиям и глупым слухам! Все мы знаем, что Танаросс всегда с нами, что он не отвернулся от нас. Всему подтверждение — сны нашего почтенного Энды. Помните: всё, что он говорит, является посланием нашего бога нам с вами. И в истории Великого Удела не было ни разу такого, чтобы наш глубокоуважаемый жрец ошибался в их интерпретации.

— Тогда где же сейчас избранные предки? — голос из толпы принадлежал Вэлцу Крамеру — пожилому конюху, у которого жрецы забрали обоих внуков.— Неужели вы хотите сказать, что они не пришли к нам удостоиться великой славы лучших родителей этого года?

— Сегодня не явились не только Питерсы, но и некоторые другие семьи. До вечера мы выясним, почему их не было на главном приходе наступающего года. И уж лучше бы их причины были действительно значимыми,— голос Вальтера прозвенел сталью и отразился от краснокирпичных стен храма. Даже через

прямоугольные очки в его глазах можно было разглядеть холодную ярость.

— А сейчас я попрошу вас... — Старейшина поднял руки, словно говоря: «Будьте спокойны», — сдержанно и без лишних слов разойтись по своим делам. Вечером мы выясним, кто удостоился быть лучшими родителями года, и пригласим их на вечернюю службу в девять вечера. Просьба всем обязательно прибыть без опозданий.

Закончив слушать речь Старейшины, Адам вырвал свою руку из крепких рук Присциллы, поднялся и поспешил к выходу. Даже не оборачиваясь, Адам знал, каким взглядом она на него смотрит — обиженным, яростным, но в то же время влюблённым, каким женщина смотрит на человека, который, несмотря на все её попытки приблизиться, делает всё возможное, чтобы избежать этого.

2.

Сначала Адам увидел тьму. Постепенно вдалеке бледно замерцали образы человеческих фигур — дети, взрослые, старики. Он медленно, тягуче парил в их сторону, наблюдая, как они бегают друг за другом, смеются и разговаривают. Внезапно под ногами Адам ощутил твёрдую почву, и перед ним возник

двухэтажный дом Вэлца Крамера. Не понимая, что происходит, он сделал шаг вперёд и наступил в лужу посредине грунтовой дороги. В её отражении он увидел себя и испугался.

— Мне что, опять четырнадцать?

— Как это — опять? Тебе уже давно четырнадцать.

Адам обернулся на голос позади.

— Ну давай же, идём! — произнёс голос.

— Что?

— Идём! Не бойся.

— Майя?

— А кто же ещё? — девочка хихикнула и пошла вперёд. На середине пути она остановилась и обернулась.

Адам поражённо уставился на неё. Смесь страха и неизвестности при виде её тонкой фигуры испарилась, и теперь он, заворожённый, смотрел на видение. Он запомнил Майю как раз такой — в белом шёлковом платье с красным поясом. Тонкие зелёные резинки перехватывали её тёмные волосы в два коротких хвостика. Адаму всегда казалось, что на солнце они отливали чарующим тёмно-зелёным оттенком, будто он видит еловые леса под толщей воды. Глаза её с серо-стальным отливом, как северный туман, застилаю-

щий сердце и душу, приковали его взор. Она смотрела на него с тем выражением, которое в любое время суток могло заставить Адама принять любую её глупую идею за невинное развлечение. Майя прекрасно знала об этом и каждый раз бессовестно пользовалась этим приёмом.

— Что на этот раз?

— А ты не помнишь?

Адам смутился.

— Ну как же! — девочка достала из-за пояса белый свёрток и показала ему.— Мы несём подарок конюху Крамеру и его большой-пребольшой семье.

Она развернула бумагу, и оттуда показался краешек украшенного ягодами пирога. Адам вдруг вспомнил этот день.

— Что ты туда напихала?

— Ничего особенного, просто накрошила слабительное, которое нашла у мамы в аптечке.

— Ты с ума сошла? А если они узнают, что это сделали мы?

— Я написала записку,— она достала из упаковки конверт с подписью «Большой семье Крамеров от Али».

— Маловат пирог для большой семьи,— усмехнулся Адам,— скорее уж пирожное.

— А вот и посмотрим, кто из них самый жадный,— она хихикнула и сунула пирог ему в руки.— Иди ты. Ты быстрее меня бегаешь.

— Неправда!

— А вот и правда! Ты вчера меня обогнал, когда мы до лесопилки бежали.

Он сделал первые несмелые шаги, пока вдруг не услышал, как загремели замки на дверях. В панике нырнув в ближайший куст, Адам увидел, как из дома вышли трое — Коди Крамер с восьмилетним сыном и десятилетней дочерью. Они несли подносы с рыбой и мясом на свой летний столик, который, как Адам помнил, располагался в их саду за домом. Старый Вэлц с несмелой улыбкой проводил взглядом радующихся наступающему празднику членов своей семьи, а затем прикрыл дверь. Адам воспользовался моментом и, скользя между рябиновыми деревьями и яблонями, молнией метнулся к порогу. Оставив пирог, он тем же путём вернулся обратно.

Прошла ещё пара минут, пока Коди Крамер не вернулся и едва не раздавил свёрток. Его лицо вдруг сделалось мрачным, и он резко вскинул голову, чтобы осмотреться вокруг. Сидя в глухих кустах, Адам и Майя

инстинктивно пригнулись, не отводя глаз от мужчины.

— Айрис! — Коди позвал жену, не отрывая глаз от свёртка.

Из дома вышла невысокая худая женщина в простом сером платье, в платке. Коди молча показал находку жене, и та, ничего не сказав, лишь улыбаясь бледными губами, взяла свёрток и занесла в дом. Судя по всему, мужчина успокоился и, оглядевшись в очередной раз, ушёл следом за супругой.

— Кажется, они ничего не заподозрили. Я даже и не думал, что они клюнут.— Адам и сам не заметил, как увлёкся идеей подруги.— Ты знаешь, я не помню, чтобы Крамеры отличались доброжелательностью, но с виду они кажутся вполне обычными... Что думаешь?.. Майя?

Адам обернулся и не увидел девочку рядом с собой. Трава рядом с ним только-только начала расправляться, значит, далеко она не ушла. Чуть дальше он услышал хруст и шелест.

— Майя,— позвал он шёпотом,— Майя! — его шёпот засвистел и зашипел.

В нескольких метрах от себя он увидел мелькнувшее белое пятно.

— Я тебя вижу,— прошептал он и хитро улыбнулся. Отодвигая руками ветки и ста-

раясь не шуметь, он направился в её сторону.

Майя стояла к нему спиной. Волосы её совсем растрепались, на икрах зияли царапины и чернели ссадины, которых Адам раньше не видел. Волосы странно колыхались. Но то был не ветер.

— Майя...— он потянулся рукой к девочке, чувствуя что-то неладное. Сердце в груди стучало, пробиваясь наружу через рёбра. Адам тянулся к ней всё нерешительнее. Звуки вокруг замерли, словно окунув его голову в вакуум.

Вдруг белое платье, исцарапанные ноги и растрёпанные волосы оторвались от земли и, ломая ветки и выдирая с корнем деревья, с чудовищным шипением и призрачным визгом умчались прочь от его ладони. От ужаса Адам заорал и отпрянул, падая спиной на сухую траву, погружаясь руками в чёрную влажную землю. Хлюпающее нечто всасывало его руки, пока сила кошмара не заставила его вырваться из грязного вязкого болота. Он поднялся и рванулся вперёд, не разбирая дороги, а тьма вокруг него, раздражённая его падением, стала поглощать окружающее пространство. Он бежал, пока тьма под ним не заставила его ноги обмякнуть, он бежал,

пока эхо его голоса, отражавшееся от деревьев и глины, не погрузилось в вязкую мокреть небытия.

Только после этого он увидел свет. Очередное светило. Но то был свет из глубины чёрного мрака, призрачный свет, который ведёт не к спасению — к гибели. Пульсирующее, вибрирующее светило приближалось, пока на его фоне неровным бордовым пятном не отразилась фигура. Вместе со светом она приближалась к Адаму, обращаясь в навечно застрявший у него в голове образ.

— Помнишь, как мы хотели быть здесь? — её голос доносился из-под стекла, из другого мира, другой вселенной.— Мы так хотели сбежать на Маяк. Ты и я.

Адам смотрел на усталое лицо девочки. В этот момент призрак огня в её глазах значил для него больше, чем весь окружающий мир.

— Я помню. Помню, Майя.

— Мы так мечтали об этом. Это воспоминание греет меня. Знаешь, здесь, во тьме, источник тепла у каждого свой... Я так люблю тебя, Адам.

Его кожа покрылась ледяными мурашками. Сердце колотилось, а глаза заблестели от подступивших слёз.

— Я знаю, чего ты хочешь, милый.

Позади девочки бледный призрачный свет вытянулся, и из него проступил Маяк. С его облезлых стен спадала краска, а только что блестевшие новенькие перила ржавели на глазах и летели в пропасть.

— Ты должен. Должен прийти сюда. Я жду тебя.

Майя отвернулась и ушла за стены башни. Адам лишь успел в безмолвном крике вытянуть руку, намереваясь отправиться за ней, но тьма мохнатыми паучьими лапками зацепила его за спину и выдернула из сна.

3.

Адам взвился с кровати, всё ещё ощущая на спине мертвенно-холодные прикосновения болезненного забытья. Схватив со стула стакан с водой, он залпом выпил её, проливая освежающие струйки на постель. Поставив стакан на место, он встряхнулся и тут же почувствовал головную боль.

За окном темнела промозглая серость. Адам взглянул на будильник: половина третьего. Встав с кровати, он отправился на кухню и налил себе ещё воды. Его взгляд проскользил по кухне и упёрся в высокую полупустую склянку Энды — лекарство от

бессонницы. Адам не мог и представить, из чего жрец варит эту дрянь, да и думать об этом не хотел. Раньше оно помогало — лишало снов и воспоминаний о Майе, но сейчас всё чаще вызывает кошмары и видения. Взглянув в зеркало на стене, он приметил на своём уставшем лице чёрные мешки под глазами. Растрёпанные чёрные волосы свисали с него чёрной паукообразной кляксой. Серая футболка с прорехами на рукавах держалась на нём, как обноски на пугале. Прав был Энда: выстави Адама в поле вместо чучела отпугивать ворон, те и не приметят подмены.

Пройдясь по квартире кругами и успокоившись, Адам уселся на кровать и обхватил голову. Перед глазами постепенно таяло белое платье с красным поясом, под подолом которого бледнели ноги Майи. Снова и снова впервые пережитый ужас от потери единственной подруги возвращался к нему в снах и кошмарах. Снова и снова они бродили вдвоём по долинам Удела, заглядывая в запретные места в поисках приключений.

Восемь лет прошлое не отпускает его.

За окном послышался первый звук наступающей грозы. Сидя на кровати в наполненной тенями комнате, Адам не придумал ничего лучше, чем отправиться в бар «Про-

свещённый» на углу улицы Квентина и Сан-Мари. Это единственное место в городе, где ему всегда рады. Бармен Финн, к великому счастью Адама, любил не только поговорить о Танароссе, но поболтать и об ином: о работе, клиентах, отношениях с женой. Часто до самого закрытия они шёпотом обсуждали возможности перемен в Уделе, внешний мир, куда Вальтер со своими подопечными отправляется за припасами раз в неделю.

Адам любил бывать в «Просвещённом». И напиваться там. Для Адама это всего лишь один из способов впасть в беспамятство. Когда Адам зашёл внутрь, Финн вместо приветствия выпалил:

— Э-эй, Ди! Ну и как твой сон поживает?

— Всё в порядке — он мёртв,— ответил Адам и устроился за стойкой.

Финн усмехнулся и провёл рукой по лысине.

— Да-а-а, гроза сегодня всем досадила. Нина моя тоже вся измучилась. Написал репортаж?

— Гриф дал мне на сегодня выходной. Правда, потом уточнил, что статья должна быть готова к завтрашнему утру.

— Хитрец. Я видел сегодня утром на службе, как ты чиркал что-то в своём блокнотике. Не поделишься?

— Оставил это дело на вечер. Голова сегодня весь день раскалывается. Лёг спать после утренней службы. А ещё пришлось выпить той дряни, которую Энда мне постоянно подсовывает. Думал, в этот раз обойдётся без кошмаров, но... в общем, настойка уже не помогает.

— Поэтому ты пришёл в бар — выпить чего-то, что помогает? — Финн улыбнулся.

— Точно,— Адам слегка просветлел.

— Тогда первая за счёт заведения.

Бармен сунул кружку под кран с тёмным стаутом.

— Что думаешь... ну... насчёт сегодня? — спросил Адам и потёр виски.

— Да что тут думать? Всё просто. Когда найдут родителей избранного ребёнка, то мы вполне можем увидеть возрождение смертной казни,— Финн поставил перед журналистом кружку с пивом.

— Я впервые слышу, чтобы родители жертвы не приходили. Странно как-то.

— Их найдут. Возможно, это Питерсы, и тогда потеря Регины может плохо на них сказаться. Если ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю.

Адам отхлебнул из кружки.

— Меня осенило сегодня. Знаешь, просто само как-то в голову влетело... Сегодня, когда

я вышел за пределы храма, я подумал, что, может, жрецы не забирали жертву? Ну знаешь, может, им надоело скитаться ночами по домам и похищать детей... Понимаю, это как-то странно. Но вдруг?

Финн стоял спиной к Адаму и протирал кофейный аппарат.

— Даже думать об этом не хочу.

— Почему? Вдруг сегодня начнётся Потоп? Танаросс со свитой обрушит на нас свой гнев и затопит Великий Удел своими слезами... Знаешь, я часто это себе представлял. Воображал, как шторм засасывает меня в пучину. И ты только представь: в сердце этого шторма полнейшее забвение. Спокойствие — и больше ничего,— Адам вдруг понял, что слишком быстро перешёл на опасные темы, и замолк, уставившись на свои запястья.

— Скорее уж тебя разорвёт на кусочки,— ухмыльнулся Финн.— Да и вообще — не будь дураком. Танаросс хранил нас с незапамятных времён, так с чего бы ему сегодня устраивать конец света?

— Но когда-нибудь это должно произойти. Ты сам-то Потоп каким представляешь? — Адам сам не верил в то, что говорил. Теперь ему было интересно, что об этом думает бармен.

Финн покачал головой и прошёлся от одного конца барной стойки в другой, сам не зная, что ищет.

— Ты всё ещё хочешь пойти на Маяк, да?

Адам помолчал. Затем осушил кружку несколькими глотками.

— Ты знаешь ответ.

Финн, казалось, крутился вокруг кофейного аппарата целую вечность, прежде чем продолжить:

— Просто сходи к Энде. Он поможет тебе. Прочитаете вместе главу из Великого Покаяния, и ты уляжешься спать. Могу дать тебе бутылку коньяка, если нужно.

Адам горько усмехнулся.

— Всё это чушь. Ничего не помогает. Только глушит, а наутро я чувствую себя, как последнее дерьмо.

— Уж лучше так, чем постоянно видеть зовущий тебя в запретные места призрак девочки.

— Майя — не просто девочка.

— Да какая разница? Десять лет прошло, Адам. Десять лет, а ты всё никак не отпустишь её.

— Восемь.

— Что?

— Прошло восемь лет.

— Господи, Адам! Ты застрял там. Мне правда жаль, что всё так вышло. Старейшина и его приближённые уже давно присматриваются к тебе. Если и дальше будешь вести себя странно, он отвезёт тебя куда подальше на своём пикапе, и больше мы тебя не увидим.

— Я просто хочу узнать, почему нам запрещено ходить на Маяк, Финн... Это всё, что мне нужно. Никто ничего не говорит, словно Маяка не существует.

— Забудь об этом.

Адам уставился на свои ноги и оперся локтями о стойку.

— Ты прекрасно знаешь, что это невозможно.

Финн молча повторил Адаму пиво.

Чёрные тучи за окном отбрасывали стремительные тени. Пока Адам шёл к бару, он заметил надвигающийся с юга штормовой фронт, разрезаемый толстыми фиолетовыми молниями. Сейчас же, судя по наступившей тьме, гроза достигла Удела.

— Ты всё-таки присмотрись к Присцилле, она хорошая.

Адам усмехнулся.

— Если я когда-нибудь свяжу себя узами отношений с религиозной фанатичкой, то ты точно сможешь расслабиться, потому что в этом случае я либо уже побывал на Маяке,

либо забыл о том, что я когда-то туда стремился.

— Всё настолько плохо?

— Ты должен понимать: если я хоть чем-то выкажу сомнение в её обожаемом Танароссе, то она при любом удобном случае выдаст меня с потрохами. Да и к тому же она не в моём вкусе.

— У всех есть свои недостатки.

Адам усмехнулся и сделал глоток из кружки. По стёклам забарабанили крупные капли дождя.

— Налей виски.

— Не забывай, что тебе ещё статью вечером дописывать.

— Отлично, я как раз протрезвею к тому времени.

Дверь открылась и задела металлических птиц. Они прогремели, как упавший на пол столовый сервиз. Адам обернулся. В бар вошёл мужчина с длинной, кое-как заплетённой бородой и перевязанными платком волосами. С его тёмно-зелёного плаща струями скатывалась дождевая вода.

— Привет, Гай,— Финн улыбнулся.

— Доброго денёчка, господа счастливые,— сказал вошедший и распростёр руки как бывалый проповедник. Он оперся о стойку и те-

перь производил впечатление парня-задиры, который после очередной обидной фразы готов рвануть с места при первых признаках угрозы.— Налей мне как обычно.

— Я гляжу, ты сегодня особенно счастлив, да? — спросил бармен.— Хотя погода не сильно к этому располагает.

— Ну почему же? — Гай сипло хохотнул.— Такая погода как раз меня радует,— с этими словами бродяга повернулся к Адаму.— А я знаю тебя. Кажется, видел у редакции «Вестника Удела», когда однажды заночевал в проулке напротив.

— Я Адам,— журналист протянул руку.

— Гай! — пожал её мужчина.

— А я, кажется, тоже тебя как-то видел.

— Да ну?

— Да, кажется, ты удирал от Ниалла однажды.

— Вполне может быть. Даже больше скажу, удирал я от него не однажды. Бездомным в Уделе жалости не дождаться.

Бродяга аккуратно отдёрнул плащ и показал выглядывающую из внутреннего кармана опасливо-любопытную мордочку рыжего котёнка.

— Нашёл её утром. Обустроился вчера на ночь на заднем дворе универмага Сэма. Са-

рай там есть такой. Сэм его не использует и другим не даёт. Просыпаюсь, значит, а она разлеглась прямо на моём животе. Ну и пролежал я так с полчаса, не хотел будить. Устала она сильно. Когда проснулась, то взял её, и пошли мы на лесопилку. Накормил её там, чем было.

— Это та лесопилка, что на северо-востоке города?

— Она. Обычно я там ночую, но в такую грозу идти через весь город опасно. Вот и остался я вчера в том сарае на всю ночь, пока ливень не отступил. Но зато какой вид мне открылся! Знаете, парни, я будто почувствовал, как Танаросс общается с нами через стихию. Почувствовал его бешенство, его гнев. Честное слово, если сегодня нас настигнет Потоп, то я буду рад, что провёл оставшееся время вместе с этой хвостатой хитрюгой.

— Что это, чёрт возьми, значит? — Финн посерьёзнел.— И ты туда же? Сначала Адам нёс какую-то чушь про Потоп, а теперь ты? Не будет никакого Потопа.

— О, так значит, ты тоже это чувствуешь? Есть ощущение, что ты не принадлежишь этому миру? — бродяга посмотрел на Адама. В его глазах загорелся странный огонь.

— Не совсем понимаю... — пожал плечами Адам.

— Как будто ты всё время во сне и не можешь выбраться. Твоя реальность похожа на видение. Оно всё повторяется и повторяется. И тебе не даёт покоя мысль, что ты никогда не найдёшь выхода...

В глубине сознания Адама проступила странная гулкая тревога. Мысль о том, что таится у истоков этой тревоги, одновременно пугала и завораживала. Глухие вибрации вдруг отразились от его рёбер, сотрясая всё его естество.

Раздавшийся гром растревожил стёкла. Овладевшее всей тройкой оцепенение испарилось.

— Сегодня великий день, — провозгласил Гай и засмеялся, обнажив на удивление ровные зубы. — Сегодня я решил покинуть город. Никто из местных меня больше не увидит: ни мясник Люк, ни этот тупой ворчун Крамер, ни Старейшина, ни безумец Энда. Ни одна из прекрасных дам Удела более не замарает об меня свой взгляд, не стану я больше поводом для тупого гнева мужей и братьев их, — он странно, с надрывом засмеялся. Звук этого смеха был схож с трением песка о стекло. У Финна исчезли остатки улыбки.

— И куда ты намерен уйти? — спросил бармен.

За окном раздался очередной раскат грома.

— А это узнает только тот, с кем я туда пойду,— Гай уставился на журналиста, отчего тому стало не по себе.

К беспокойству Адама примешалось непонимание, смутное чувство, что сейчас решается что-то очень серьёзное.

— Я вижу, тебя что-то мучает,— спокойно сказал бродяга.— Ты здесь, в этом городе, тоже не к месту. Как и я. Прямо как малыш Финн. «Просвещённый» всегда притягивал таких, как мы с вами.— Гай запахнул плащ и скрестил руки так, будто пытался обнять себя.

— Мне здесь живётся вполне достойно,— сказал бармен.

Бродяга посмотрел на него, саркастически вздёрнув брови.

— Так куда ты собираешься, и кто идёт с тобой? — внутри у Адама загорелось что-то необъяснимое. В подсознании понемногу начала возрождаться, пугая и притягивая, перспектива оставить Удел.

— Не гони лошадей. Сначала расскажи мне, от чего ты бежишь,— ткнул в него пальцем Гай.

Адам недовольно хмыкнул и повернулся обратно к стойке. Лёд в его стакане с виски

почти растворился, а сам он как будто потерялся во времени.

Его мысли унеслись к Маяку. Он вдруг вообразил: все дети, которых жрецы когда-то забрали на Маяк, живут на далёком побережье на скалах. Может, они пасут скот и ловят рыбу. У них там, должно быть, целый город. В его снах иногда проступают такие сюжеты. Высокие скалы и покрытые камнями и песком пляжи, на которых, если смотреть чуть дольше обычного, из серой массы ракушек, водорослей и мха проступали очертания спящей девочки в белом шёлковом платье.

Внезапно Адам понял, куда направляется Гай.

Когда он рассказывал бродяге о своём бремени, об одолевающем его желании увидеть Маяк, тот, преисполненный серьёзного любопытства, неотрывно смотрел на него, а когда Адам закончил, то Гай уверенно сказал:

— Знаешь, а этот бар и правда притягивает людей не от мира сего. Ты мне нравишься.— Он залпом выпил рюмку водки и со стуком поставил её на стол.

4.

Повинуясь неведомому зову, непреодолимой внутренней силе, осознанию, что всё происходит так, как и должно, Адам вернулся

домой и стал собираться в путь. Он достал походную сумку, с которой когда-то они с отцом ходили в лес. Вся в паутине, пыльная. Чёрные ремешки болтаются на ней, как паучьи лапки. Он закинул внутрь всё съестное, что было в холодильнике: горох, сосиски, печенье, несколько банок тушёнки, три бутылки воды. Поверх бросил пару маленьких кастрюлек и столовые приборы. Он накинул плащ, завязав пояс как можно плотнее.

Он знал, что уходит навсегда. Если Маяк и правда такое запретное место, то никто не осмелится его преследовать. Если же там действительно окажется оплот жрецов, то Адам сможет отыскать Майю. Даже если это будет стоить ему всего, что он имеет.

Впрочем, задумался Адам, а что он вообще имеет? Маленький одноэтажный домик, ржавый велосипед и газонокосилку в разваливающемся сарае, погибшие цветы на окнах и жизнь несмелого закрытого журналиста. Стоит ли это того, чтобы не узнать тайну Маяка? Тайну, которая мучает его всю жизнь. Думая об этом сейчас, он ругал самого себя за то, что раньше не ушёл из Удела. Смерть отца год назад его подкосила, но одновременно с этим он почти готов был отправиться в путь. Он не знал, что его тогда останови-

ло. Свою нерешительность он списывал на всевозможные оправдания в духе «слишком много глаз вокруг», «не очень ладное самочувствие» или «плохая погода». Вот уж в этот раз с погодой ему действительно не повезло. Только сейчас она его точно не остановит.

Он застегнул рюкзак, обмотал его целлофановой плёнкой и накинул на плечи. Гай сказал, что будет ждать его в заброшенной лесопилке, о которой они говорили в «Просвещённом». По его словам, он должен «подготовиться к неминуемому». Единственное, что Адам знал об этом месте,— лесопильный комплекс состоял из нескольких бараков и мастерских, большая часть которых была давно заброшена из-за недостатка средств и рабочих. Никто не хотел пахать за гроши чёрт знает где. В кризисные моменты Адам иногда думал о том, чтобы поселиться недалеко от тех мест и рубить лес, вместо того чтобы писать об одном и том же: жрецах, вечном огне веры и бессмертной славе бога Танаросса. Но он не хотел становиться ещё большим изгоем, чем был тогда.

Выйдя на крыльцо, Адам с облегчением обнаружил, что дождь на время прекратился. Смеркалось. Солнце, мерцающее в густом мареве, закатывалось за горизонт. Медные

проблески лучей отражались в огромных лужах на асфальте и газонах, стремительные реки текли вдоль бордюров, смешиваясь с листвой и забивая сливные отверстия. Над головой Адама на фоне чернеющих обрывков туч белели косяки гусей и уток. Птицы обрывочными стаями сбивались в кучи и летели куда-то на северо-запад. Они были похожи на разноцветные летучие племена, сбившиеся в одно войско, стремящееся в атаку против скрытого за тучами противника. Когда Адам взглянул на юг, чтобы посмотреть, откуда летели птицы, то увидел сплошной чёрный фронт из штормовых туч, прорезаемый изредка вспышками молний. Они клубились и катились, словно огромное чёрное наводнение, которое достаёт до небес. В грудь Адаму резко ударил ветер, листва с яблони осыпала его с ног до головы. Он тряхнул головой и осмотрел улицы — ни души. Все наверняка направляются на вечернюю службу. Адам был уверен, что в этот раз, несмотря на погоду, у храма соберётся весь город, а значит, не только внутри здания будет полно народу, но и рядом, и даже на ближайших улицах. Все хотят узнать, кого забрали жрецы, все хотят успокоиться и убедиться, что и в этом году Танаросс их не оставил. Потому Адам

решил обойти храм за несколько кварталов и подойти к лесопилке с самого восточного края Удела.

Гай ждал в заброшенной мастерской. Адам вошёл без стука и застал бродягу бормочущим что-то себе под нос.

— Гай...

Бродяга вздрогнул и едва удержал в руках огромный мешок, наполовину забитый всяким хламом: шкурами, посудой, верёвками, тряпичными обмотками.

— Подкрадываться нехорошо.

— Прости, я... Я готов. Едва по пути не нарвался на толпу людей во главе с Ниаллом. Едва успел спрятаться за углом.

— Чудно. Я тоже готов. Знаешь, мне кажется, рыжая хочет пойти с нами,— Гай улыбнулся и погладил кошку по спине. Та выгнула хвост и легонько стукнулась головой о сапоги Гая.— Она чувствует, что мы уходим.

— Ну тогда возьмём её с собой.

— Что? — Гай выкатил глаза, но потом беззаботно махнул рукой.— Брось! Какая кошка захочет тащиться за тридевять земель с кем-то, кто её всего лишь однажды покормил?

— Но ты же сам сказал, что она хочет идти,— Адам скрестил руки на груди и улыбнулся.

— Ну-у,— Гай снова погладил ласкового зверя,— что ж, я и не против. Просто... Знаешь, у меня с животными никогда не складывались отношения. Не любят они меня — то убегают, то царапаются.

Ветер на улице поднялся невиданной силы. Звуки грома заглушали скрипящие и хлопающие друг о друга куски дырявой металлической крыши. В углах огромного зала раз за разом поднимался гул начинающегося шторма.

— Поспешим,— сказал Гай, завязав мешок и обернув его целлофаном.— Если доберёмся до пещеры недалеко от каменистой долины, то там сможем передохнуть.

— Ты уже ходил в ту сторону? — ошарашенно спросил Адам, но потом понял, насколько это глупый вопрос.

— Конечно, малыш Адам, иначе как бы я знал, куда идти? — лицо Гая просветлело, а на губах отпечаталась лисья улыбка.

— Гроза вот-вот доберётся до Удела. Успеем ли?

— Ты же взял фонарики?

— Конечно, но...

— Вот и отлично! — Гай закинул за спину поклажу.— Перестань уже задавать вопросы и поторопись!

Адам ни разу не обернулся, чтобы посмотреть на огни отдаляющегося города. Освещая себе путь ручными фонариками, беглецы поскальзывались на размытой гравийной дороге. В огромных лужах отражалась большая жёлтая луна. Деревянный забор, ограждающий дорогу от заросших травой, колючими цветами и островками сосен полей, едва держался на вкопанных в землю брёвнах. Адам, следуя за своим проводником, опасался даже притронуться к ограждению, не то чтобы опереться.

Вскоре перед ними возникло грязевое озеро, из которого по направлению к Уделу потоками текла дождевая вода. Хлещущий землю ливень не давал определить границы препятствия.

Будто случайно, Адам обернулся и увидел в низине бледные огни города. Вместо неба густой тьмой на всём южном горизонте чернел вал грозовых туч, освещаемый изнутри бледно-фиолетовыми вспышками. Казалось, тьма начинала едва заметно закручиваться, вбирая в себя иссиня-тёмное окружающее пространство. В верхних слоях вала, покрытых странным туманом, вспышки молний выделяли очертания странных облаков: они стремились вверх, напоминая сотни тонких башен.

— Сам Танаросс прилетел к нам на своём городе,— с этими словами Гай подошёл вплотную к Адаму, и тот дёрнулся от неожиданности.— Я чувствовал, что вчерашние грозы были лишь началом.

— Всего лишь гроза,— сказал парень, не обращая внимания на тревогу, скручивающую внутренности.

— Может, просто гроза. А может, природа скрывает в чёрных грядах от нас гораздо больше, чем мы можем себе вообразить.

Бывший уже журналист заворожённо смотрел на фронт, пока бродяга его не окликнул.

— Не стой столбом. Надо идти, а то и нас накроет.

Адаму показалось, что они шли целую вечность. Рюкзак натёр плечи, а спина бессовестно ныла. Гай несколько раз пропадал из виду, пока Адам не настигал его. Каждый такой раз бродяга с неподдельным удовольствием рассказывал о прелестях бродяжничества. Дорога всё сужалась и сужалась, обходить лужи становилось всё труднее, пока однажды дорога не закончилась галечной насыпью. Сразу за ней фонарик высветил узкую, едва различимую тропинку, размытую дождём, уже поросшую низкой густой травой. Было

видно, что ею не пользовались уже очень давно.

— Кажется, успели,— сказал Гай. Голос его заглушил порыв ветра.— Сюда!

Бродяга рванул с места, и Адам, не раздумывая, помчал за ним. В какой-то момент фонарь перестал высвечивать фигуру Гая, и Адам, совсем растерянный и измотанный, бессмысленно вертел фонарём во все стороны.

— Гай!

Ветер унёс его голос на север.

— Гай!

Гром вдалеке заглушил слова. Он побежал, как ему казалось, в правильном направлении.

— Га-а-ай!

Слева от Адама возникла скала, испещрённая трещинами и увитая плющом. Он шёл у её подножия, проклиная свою медлительность и окружавшую его ночь.

— Га-а...

Чья-то рука резко схватила его за куртку и втянула во тьму.

— Чёрт тебя дери, парень, я думал, ты со скалы кубарем скатился! — голос Гая прозвучал, как хор божественных труб посреди адских звуков шторма.

— Я решил, что потерялся...

— Не переживай. Ничего страшного бы не произошло... Разве что тебя мог унести шторм.

— Просто прекрасно.

— Город Танаросса приближается к нам быстрее, чем я думал. В Уделе сейчас самый разгар бури. Мы едва успели.

— Думаю, ты преувеличиваешь. Обычный шторм... Сам же знаешь, в наших краях такое бывает часто. В конце концов, в Уделе каждый Новый год сопровождается сезоном гроз.

Гай хмыкнул и осветил фонарём пещеру. На потолке Адам успел заметить несколько чернеющих трещин, увитых плющом. Округлые булыжники под их ногами темнели от влажного мха. Гай снял рюкзак и взвалил его на самый крупный камень.

— Сейчас согреемся.

Бродяга выложил в глубине пещеры круг из камней.

— Подай дрова. Они за тобой,— Гай жестом указал на стену позади парня.

— Ты и дрова приготовить успел?

— Они здесь уже с месяц. Оставил их здесь на случай, если меня выгонят с лесопилки.

Адам подошёл к дальнему углу пещеры, освещая путь фонарём. Подхватив несколько поленьев, он сложил их в каменный круг.

Гай достал из сумки бумагу и солому и подоткнул их под брёвна. Чиркнув спичкой о коробок, поджёг бумагу, и пламя тут же разгорелось, лаская поленья. Размотав засаленные повязки на руках, сняв плащ и куртку, он кинул их на каменные выступы просушиться, после чего вытянул руки перед огнём.

— Значит, ты часто сюда ходишь? — Адам нарушил возникшее молчание.

— Нет-нет, совсем нет. Говорю же, я в этой пещере последний раз ночевал около месяца назад... Тогда на лесопилку пригнали градостроительную комиссию во главе с Йованом Питерсом. Думаю, ты его знаешь.

— Да, Питерсы. Интересно, что с ними сейчас...

— Так вот, тогда Старейшина попросил меня убраться из этого района подальше: мол, чтобы лесопилку оставили в покое и не снесли, узнав, что она стала притоном для бездомных,— Гай пошевелил веткой дрова в очаге, и Адам воспользовался возникшей паузой.

— Сколько нам ещё идти?

— Понятия не имею.

Адам нахмурился.

— Имею в виду до Маяка. Куда идти дальше?

— Говорю же, не знаю. Пещера — это край, дальше неё я не добирался.

Адам не поверил своим ушам.

— То есть... ты не знаешь, куда мы идём?

— Ну почему же? Направление-то я знаю — на север. Туда, где начинается море.

— И где же оно, чёрт возьми, начинается? — голос Адама чуть задрожал от напряжения.

— А как начнётся — мы увидим. — Гай улыбнулся, будто ничего не произошло. Будто он не признался только что Адаму, что понятия не имеет, что делать дальше. Парень встал и отошёл от костра, потирая виски. Он подошёл к тесной расщелине, где начинался выход из пещеры, уставившись на отсверкивающие на влажных стенах молнии. Глухой гул грома доносился словно из-под земли.

— Да ты присаживайся и не переживай. Сейчас поедим чего. Судя по слухам, путь должен быть недолгим — завтра перейдём долину и преодолеем хребет, а там и до Маяка рукой подать.

— Мы даже не знаем, когда туда придём...

— Не думай об этом, — Гай выбрал максимально доброжелательный тон, и Адам неожиданно для себя действительно расслабился. Всё происходящее едва укладывалось в голове, а запах подогретой на огне тушёнки

выбил остатки мыслей из его мозгов. Адам выхватил одну из банок с углей и жадно нырнул в неё ложкой. Учуяв запах телятины, к Адаму подбежала кошка и умным, всезнающим взглядом посмотрела прямо ему в глаза. Смущённый такой смелостью, Адам выщепил жирный кусочек и положил его рядом с камнем, на котором сидел. Кошка благодарно мяукнула.

— Ты уже дал ей имя? — спросил Адам.

— Не думал об этом. Как я уже говорил, с животными отношения у меня сложные. Не единожды я пытался приручить бродячих кошек, но ни одна из них не хотела жить с таким же бродягой. Бездомный бездомному рознь. Да и какой смысл жить на одном месте, когда перед тобой открыты любые границы?

— А как же одиночество?

— Боюсь, настоящее одиночество знакомо только людям. Кошкам и наедине с собой хорошо.

Адам помолчал, глядя то на огонь, то на жующего тушёнку Гая.

— Наш побег из Удела... до сих пор как в тумане,— сказал Адам, когда рыжая насытилась и, мурлыкая, улеглась возле его ног.

— Понимаю. Всё это происходит слишком быстро. Сама мысль, что мы идём на Маяк —

самое запретное место в округе,— кружит мне голову.

— Почему ты раньше не пошёл? У тебя были все возможности.

Гай ухмыльнулся и почесал бороду. Он не торопился с ответом, очень показательно наслаждаясь добытой из рюкзака Адама едой.

— А почему раньше этого не сделал ты?

Адам усмехнулся.

— У меня дом, знаешь ли. Работа... была, доход. Какое-никакое место в обществе.

— Но ты не любил ничего из этого.

— Тебе почём знать?

— Ты же ушёл,— Гай развёл руками и улыбнулся.— А если серьёзно, то я увидел в твоих глазах то, чего не видел у других жителей города,— потерянность. Ты первый, у кого я это заметил. Знаешь, у каждого в Уделе есть своё место. У каждого горит свой огонь в глазах, который поддерживает их, связывает с городом. И не всегда это вера в Танаросса.

— И что же это?

— Много чего. Старик Питерс держится здесь за семью. За свою дочь. Не знаю, что там сейчас у них происходит, да и, если честно, меня это уже не волнует. Старейшину держит здесь пост, служба другим. Ему нравит-

ся делать то, что он делает. Его подручные надеются на его пост, их кровь горяча, и они рады соперничеству. Финн цепляется за бар. Это его место, где он командует. Могу бесконечно говорить об этом, но тебе это не нужно. Ты же... твоя цель всегда была другой. То, что тебя держало в Уделе, ушло.

Адам замолчал, глядя в огонь.

— Этот Маяк... забрал у меня Майю.

— Не только её.

Адам внимательно посмотрел на бездомного.

— Твоё спокойствие ушло в тот же день.

Они замолчали, слушая гулкий шум грозы снаружи.

— Возвращаясь к твоему вопросу, Адам... У меня тоже было там своё место. Место бездомного, презираемого всеми. Место грязного оборванца, об кого и мараться не хочется. Место вечного изгоя, которому суждено до конца дней прожить в грязи и неведении об устройстве этого мира. Но, понимаешь ли, когда ты узнаёшь о чём-то столь сокровенном и когда рядом нет того, кто бы мог понять твои чувства, то вся эта погоня за сокрытым знанием может сильно выбить из колеи. Согласись, никто не знает, что в будущем может свести с ума человека. Будь то глубокое погру-

жение ко дну бесконечного одиночества или удивительное, благостное знание.

Гай вдруг замолчал, заглядевшись на искры, выплёвываемые языками огня и исчезающими в пещерной тишине, словно падающие с небосклона звёзды. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Гай снова заговорил.

— Пожалуй, время отдыхать. Я захватил для нас пару старых шуб вместо одеял и несколько накидок.

Адам отвлёкся и уныло поковырял прутом умирающий очаг. Тирада Гая была столь же неожиданна, сколь и близка ему. Взяв крупное полено, Адам аккуратно положил его в лениво тлеющий огонь и, взяв шубу, расстелил её недалеко от костра, укрывшись старой дырявой накидкой. Отвернувшись от Гая, бормочущего что-то подобравшейся к нему кошке, он ушёл в нервный сон.

5.

Он лежал на чём-то очень мягком, уставив глаза в нежно-голубое безоблачное небо. Колышимые неведомой силой, не ветром, очень мягко, словно водоросли под водой, на глаза Адаму попадались цветы вереска и ромашки. Безмолвие картины нарушало

нестройное жужжание шмелей, вьющихся где-то неподалёку.

— Ну всё, хватит! — Майя мягко потрепала его по голове, и Адам, неловко улыбаясь, поднял голову с её колен.

— Ну что ты?

— А ничего. Так привыкнешь. Моя теперь очередь.

С хитрой улыбкой девочка поправила сарафан и, нерешительно опираясь на ладони, улеглась на колени к Адаму.

— Что ты там увидел? — спросила она немного погодя, когда выбрала удобную позу.

— Не знаю. Просто красивое небо.

Её светлые тонкие ресницы едва заметно дрожали. Серые глаза наполнялись спокойным движением синевы. Она иногда улыбалась своим мыслям, отчего хмурилось её тонкое лицо, а на щеках, словно мираж, появлялись ямочки. Она что-то очень тихо напевала себе под нос — Адам едва улавливал мелодию. Тонкие ноги её не знали покоя — поджав одну, она выпрямляла другую, двигая ими в один ритм.

— Ты прав, небо красивое. Никогда не замечала этого.

— Ну а я что говорил?

Сидя на примятой траве, Адам окинул взглядом поле. Сквозь густое марево полуд-

ня он увидел белёсое море ковыля. Среди его волн кое-где вырисовывались розовеющие островки чертополоха и алеющие континенты мака. Над бушующими волнами летали огромные шмели, саранча перепрыгивала с одного островка на другой. Адам сощурился, ослепляемый обилием цветов. Всё кругом — одно сплошное травяное поле, и только на горизонте сквозь бледный дальний туман проступали скалы и холмы, сливаясь с бесконечным небом. Адам узнал это поле. Вернее, его отражение, похожее на те поля, что раскинулись к западу от Удела, в бездонные глубины которых они с Майей убегали вместо школы, пока родители были на работе. Им тогда было по тринадцать.

«Как же мы сюда добрались?» — промелькнула в его голове мысль, но почти сразу исчезла, когда Майя вдруг вскочила и побежала в поле.

— Только глянь, кого я нашла!

Адам понёсся за ней следом.

— Постой!

Спотыкаясь и перепрыгивая через засохшие растения, он не спускал с неё глаз.

— Куда ты?!

Его ноги исхлёстывали сухой репей и чертополох, в глаза летела пыль и паутина. В оче-

редной раз споткнувшись и рухнув лицом в покров из примятых растений, он потерял её из вида.

— Вот же шустрая... Куда ты подевалась?

— Адам!

— Где ты? Майя!

— Я тут! Иди на голос!

Она сидела на полянке в зарослях репейника и ромашки.

— Видел бы ты сейчас своё лицо,— Майя залилась звонким девчачьим смехом.— Глаза — ВО! — она изобразила взгляд Адама, поднеся сложенные кругами пальцы к лицу.— Небось думал, что я от тебя сбежала, а?

— Всё не так. Просто хотел тебя догнать.— Адам облегчённо вздохнул.

Гладя кота, Майя что-то шептала, а потом, заливаясь смехом, запрокидывала голову назад, отчего тёмное море её волос переливалось на солнце. Тонкая рука, заправляя волосы, обнажала обращённый на него несмелый взгляд. Игриво улыбаясь, она поджала ноги под себя. Он любил наблюдать за ней в такие моменты. Краснея, она становилось для него ближе. Адам ощущал её энергию и жизнь. Он знал, что готов следовать за ней, куда бы она ни захотела.

Майя почти открыто посмотрела на него и смущённо хихикнула.

— Ну чего ты опять уставился?

Адам спешно перевёл взгляд на кота.

— Ничего. Откуда взялся этот кот?

— А мне почём знать? — она снова засмеялась.— Да и какая разница?

Они замолчали.

— Ты сегодня... прекрасно выглядишь.

Майя озадаченно посмотрела на него, а затем благожелательно улыбнулась.

— Спасибо. А ты сегодня какой-то странный.

— Почему?

— Не знаю.

— Это был комплимент. Я прочитал в папином журнале, что женщинам надо делать комплименты.

— А-а,— Майя хитро прищурилась,— я тебе нравлюсь, значит?

— Почему это вдруг?

— Потому что комплименты делают тем, кто нравится, дурачок,— она улыбнулась, переводя взгляд с кота на Адама.— А это был... журнал для взрослых?

— Не знаю. Что это значит?

— Ну, там всякие взрослые штуки пишут. Знаешь, о машинах, квартирах, отношениях людей...

— Отношениях людей?

— Да, у папы был один такой. Правда, рядом с ним я нашла кассету, на которой было пособие по отношениям. Там так и было написано.

— Ого! И что там?

Майя смущённо улыбнулась.

— Я не успела всё посмотреть. Пришла мама и отругала меня за то, что я беру чужие вещи. Но кое-что я успела подглядеть.

Она поднялась с травы и села напротив Адама, поправив сарафан и сделав серьёзное лицо.

— Смотри. Сначала мужчина положил руки женщине вот сюда. Вот так,— она взяла руки Адама и положила их себе на талию. Адам от неожиданности замер, заворожённо поддаваясь действиям девочки. Его ладони ощутили жёсткую ткань, под которой таилось тепло.

— После этого они придвинулись ближе,— Майя, не глядя на Адама, перекинула ноги через его скрещённые колени. Она положила руки ему на плечи и сильно сжала. Адам уже пожалел, что согласился на это. Её лицо оказалось так близко, что некая сила начала жечь его внутренности, выстукивая молотком в грудь, а ниже живота разгорелось неизвестное доселе пламя. Сквозь серьёзность Майи постепенно начала проглядывать не-

решительность. Судя по всему, она и сама не понимала, что теперь делать.

— А дальше они... Знаешь, там не очень понятно...

Пару мгновений она отчаянно смотрела на Адама, а затем резко впилась ему в губы, ушибив нос. Это произошло так быстро, что они оба, потерянные, сразу отпрянули друг от друга.

Опешивший Адам вылупился на густо краснеющую Майю. Она потирала свой нос, уставившись в землю.

— Это не совсем так, как было на кассете,— она снова поджала ноги и упёрлась взглядом в кружащего вокруг неё кота.

— Назову его Искоркой.

— Искоркой? — Адам не понимал, что делать дальше после произошедшего.

Майя не ответила. Искорка покружил пару мгновений возле девочки и направился к Адаму. Усевшись возле его исцарапанных коленок, кот вперил в него осуждающий взгляд.

— Может... ещё раз попробуем? — спросил Адам и поразился своей смелости.

— А тебе понравилось, что ли? — она не смотрела на него.

Словно сквозь густой туман, в голове Адама слабой вспышкой мелькнул ответ, кото-

рый он дал ей в тот день. В груди вспыхнуло желание всё исправить.

— Конечно...

Майя улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой.

— Тогда теперь ты пробуй.

Адам нерешительно подвинулся к ней. Её серые глаза, как два бездонных лунных озера, с невыразимой надеждой глядели на него, высвечивая самые потаённые уголки его души. Он аккуратно взял её за талию. Его руки, казалось, одеревенели, а во рту пересохло. Майя положила руки ему на плечи, уже не так сильно сжимая их.

— Может, закроем глаза? — спросила она.— Я вспомнила, на кассете точно было так.

— Давай.

Майя первая сомкнула веки, отдавшись на волю Адама. Пару мгновений он не мог оторвать взгляд от её спокойного лица, а затем осторожно поцеловал.

Все звуки исчезли из окружающего мира. В черноте закрытых глаз взорвались яркие густые краски. Её пальцы вновь впились в плечи Адама. Но в этот раз боли не было. Он осторожно провёл руками по её спине вверх, оставив левую на оголённом плече, а другой коснувшись её волос. Под ногами у Адама

завился волчком Искорка, щекоча их ноги. Адам пытался отпихнуть кота, но тот упорно возвращался. Пушистое тело становилось всё настырнее и упорнее, пока в один момент кот ни с того ни с сего не укусил Адама за руку.

— Ай! — Адам подпрыгнул от неожиданности.

Майя засмеялась.

— Искорка с характером,— сказала она, не отрывая от Адама взгляда.— Дай посмотрю.

Она взяла двумя руками укушенную ладонь. Между указательным и большим пальцами выступила капелька крови.

— Сильно он тебя.

— Переживу,— внутри возникло чувство обиды на вмешательство кота.

— Эй, куда это он? — Майя указала на Искорку, подошедшего к зарослям ромашки. Кот обернулся на Адама и внимательно посмотрел в глаза.

— Кажется, он зовёт тебя с собой,— со смехом сказала девочка.

— Да брось, он только что меня цапнул. Разве что он хочет меня окончательно сожрать.

— Мне кажется, тебе стоит посмотреть, куда он тебя приглашает.

— Да ну его, давай лучше...

— Иди,— тон Майи прозвенел сталью, которую он не помнил в её голосе. Он отчётливо понял, что выбора у него нет.

Когда Адам поднялся, бледные руки девочки смиренно, но неохотно отпустили его ладонь. Только когда это болезненное выскальзывание, длившееся бесконечными световыми годами, закончилось, Адам понял, что в этот раз он больше не увидит Майю.

Разрезая море ковылей рыжим телом, Искорка бежал в сторону покрытых туманом гор. Мальчик следовал за ним, стараясь не отставать, пока его сердце наполняло горе от очередного расставания с видением прошлого. Обращая взгляд на горизонт, он с отчаянием думал, что до хребта пешком не добраться, пока вдруг не увидел высокую черноскальную стену прямо перед собой. Он обратил взгляд к подножию скалы, возле которого, как ни в чём не бывало, сидел кот и насмешливо осматривал Адама с ног до головы. Прямо как человек.

— Ну и какого чёрта мы тут делаем?

Кот навострил ушки, поражаясь изречению мальчика, и нырнул в расселину между скалами, деловито махнув хвостом. Адам, недолго думая, последовал за ним.

Ведомый Искоркой, он шёл по камням и острым скалам всё выше и выше, пока не поднялся к началу заросшей тропинки, извивающейся по изгрызенным острым гранитом холмам. Она становилась всё круче и неожиданно вывела Адама на плосковерхий холм с насыпью из овальных галек.

Солёный морской ветер, подувший сразу со всех сторон, едва не сбил Адама с ног, взъерошив волосы и выбив слёзы из глаз. Над головой тягуче стонали чайки, оповещая друг друга о странном, давно забытом в этих местах создании — человеке. Адам не мог оторвать взгляд от бушующего моря, от бледного солнца в молочной пелене над водой. Неспешно скользя взглядом по горизонту, мальчик увидел Маяк, тонкая фигура которого белела на восточной стороне берега. С башни в глаза бил яркий серебряный свет.

6.

Адам резко проснулся. Гай легонько задел его веткой по ногам.

— Опять кошмары? — спросил он.

— Не совсем. В этот раз это что-то другое. Я чувствую, что мы на правильном пути.

Гай кивнул.

— Пора собираться. Солнце уже взошло.

Собрав поклажу в сумки и затушив костёр, двое мужчин вышли из пещеры и осмотрелись. Перед ними, сколько хватало взгляда, тянулась заросшая сухой травой и высокими колючками долина. После вчерашнего ливня её общий вид не сильно изменился, только в некоторых местах на плоских камнях держались засыпанные листвой и ветками лужи. Вдалеке, словно неровные острые зубы, вырастали скальные хребты, готовые вот-вот разорвать тонкое полотно земли. Гай молча пошёл вперёд, и Адам уже по привычке последовал за ним. Позади, явно в хорошем настроении, следовала кошка. Подпрыгивая и ловя в воздухе стрекоз и комаров, рыжая совершенно не уставала. Адам не переставал удивляться этой странной привязанности животного к двум незнакомцам. А ещё её сверхъестественной выносливости.

Они двигались по долине уже семь часов, обходя крупные скалы и несколько раз делая передышки на высоких холмах. Чёрный грозовой фронт окружал их с двух сторон — с севера и юга. Северный фронт не грозил им и едва проглядывал на горизонте, поскольку уходил всё дальше за скалы. А Южный фронт

возник всего пару часов назад и приближался стремительно.

Понадобился ещё час, чтобы добраться до узкой лесистой долины, в которой располагался скальный хребет.

— Видишь те ровные каменные увалы? — спросил бродяга у Адама, указывая с высокого холма на подножие хребта, отделяющего их от неизвестности.

— Вижу.

— Помнишь историю о разрушении Танароссом изначального Великого Удела?

— Помню.

— Так вот,— сказал Гай и обеспокоенно посмотрел в сторону странных скал,— похоже, мы наткнулись на остатки старого города.

Спуск с холма занял у них десять минут. За это время южный грозовой фронт уже достиг руин, извергая из себя то ливень, то мелкий град. Путники натянули на голову плащи, а Гай нацепил старую ковбойскую шляпу, которую достал откуда-то из недр своего рюкзака. С каждым шагом Адам понимал, что видит перед собой не просто насыпи из ровных камней, а развалины каменной кладки. Ещё через некоторое время из зелёной массы деревьев, окружавшей мёртвый город, стали выделяться поросшие мхом де-

ревянные крыши, сгнившие почерневшие доски заборов, впечатанные в землю разваленные телеги и прочий мусор. Гай подвёл Адама к огромной трещине, разделяющей остатки города и остальную долину, заканчивающуюся скалами. По краям ущелья, цепляясь корнями за крошащийся гранит, клонились к бездне толстоствольные низкие деревья.

«...тогда великий Бог решил уничтожить город непослушных громом и молнией, водой и огнём, камнем и землёй. И ярость его на ослушавшихся подданных была столь велика и разрушительна, что земля от гнева его разверзлась и поглотила всё живое»,— процитировал Гай.

Они смотрели на черневшую пасть ущелья, в глубине которой слышался холодный замогильный гул и грохот бушующей воды.

— Вот мы и пришли,— сказал с досадой Адам.— Трещине конца и края не видно.

Гай свёл брови и потёр виски. Адам заметил его потерянность.

— Нужно найти укрытие.

Они разбили лагерь внутри более или менее уцелевшей хижины. Она почти сохранила свой первоначальный вид, за исключением пробитой в нескольких местах крыши.

В стенах зияли крупные отверстия — когда-то на их месте были окна.

Они устроились в самом сухом углу, и Гай после нескольких попыток всё же сумел развести костёр. Языки пламени осветили каждый уголок хижины, выщепив из них плотные сети паутины и покрытые мхом камни. Гай нашёл в углу толстую ветку, зажал между камней и повесил на неё плащ и куртку.

— Похоже на чучело, — усмехнулся Адам.

Они вытянули руки над костром и молча смотрели на выплёвываемые языками огня искры. Снаружи прокатилось первое эхо далёких раскатов.

— А где рыжая? — спросил Адам.

— Когда мы спускались с холма, была с нами... Может, спряталась где-то?

Громкий хлопок, прозвучавший со стороны холма, смешался с резким свистом. Щепки от переломанной надвое ветки с «чучелом» разлетелись во все стороны. Адам в замешательстве смотрел на слетевший на землю плащ. Второй громкий хлопок прозвучал сразу за предыдущим. Что-то с визгом врезалось в стену и отрикошетило в крышу. Прогнившие доски треснули, посыпались пыль и щепки.

— На пол! — Гай упал лицом вниз и потянул за собой Адама. Парень рухнул на спину

и ударился головой об пол. Гай потащил ничего не соображающего парня к стене.

— Что это?!

— Стреляют. С холма.

— Они и вправду пошли за нами?!

Раздался третий выстрел. Несколько гнилых досок на крыше взорвались снопом щепок и листьев.

— Что теперь делать?

Гай возбуждённым взглядом осматривал весь дом сверху донизу. Эхо от выстрелов в долине постепенно утихало. В воздухе стоял густой запах пыли.

— Они придут сюда. Нужно уходить из этого дома. Давай за мной.

Гай, пригнувшись, направился к окну, выходящему на скалы. Выбравшись из дома, они оказались в густой траве по пояс. Под ногами ломался сухой покров прошлогодних стеблей. Осторожно выглянув из-за угла, Адам увидел, как с холма спускались трое вооружённых людей. Они что-то кричали издалека, но гром заглушал их голоса.

— С моей стороны трое,— прошептал Адам.— Лица не различить.

Гай добрался до другого угла и выглянул.

— С моей никого.

— Они нарушили свой собственный запрет? — спросил Адам, не переставая следить за преследователями.

— Может быть. Я ничего не понимаю. Может, их послал Старейшина, чтобы перехватить нас раньше, чем мы доберёмся до Маяка? Если так, то фактически это не нарушение запрета. Один только вопрос: почему они раньше этого не сделали?

— Может, шторм помешал?

— Скорее всего. Значит так, Адам. Мы должны перебраться за тот дом,— Гай показал в сторону полуразвалившейся хижины, углы которой торчали каменными клыками.— Мы должны найти переход на ту сторону. Здесь, в старом Уделе, его нет. На востоке, скорее всего, тоже, потому что там совершенно нет леса — одни камни и сорняки. Но переход должен быть, и, скорее всего, он где-то среди тех деревьев.— Гай указал на запад, где от холмов до самого ущелья раскинулась сосновая чаща.

— Если же перехода нет, то мы хотя бы на время скроемся,— пробормотал Адам.

— Переход должен быть. Это ущелье должно где-то кончиться.

Они старались не наступать на сухие ветки. Добравшись до ближайшего к чаще дома, они вдруг услышали:

— Адам! Гай! Выходите, подонки!

— Мы всё равно вас найдём, отступники!

Они взглянули друг на друга понимающими взглядами. Кого ещё мог послать Вальтер, если не своих лучших бойцов — Коди Крамера и Ниалла Энгера? Но кто третий?

Выглянув из-за угла, Адам увидел Ниалла и Коди с пистолетами в руках. Они двигались в сторону ущелья, озираясь по сторонам. Адам едва успел отвести глаза от взгляда Коди, как почувствовал, что Гай слегка ткнул его в плечо. По левую сторону от них в нескольких шагах бесшумно двигалась высокая фигура в чёрном с винтовкой наготове. По камуфляжной кепке Адам узнал Маршалла Али — снайпера-ветерана. Он крался в сторону леса и, не спрячься они за стволом дерева в наступающих сумерках, уже давно были бы трупами. Гай и Адам замерли, как напуганные зайцы.

Вдруг Али вскрикнул и развернулся, выстрелив куда-то себе под ноги.

— Ах ты дрянь! — его возглас привлёк остальных.

— Ты чего? — спросил Коди.

— Меня укусила кошка!

— Ты серьёзно? И что, теперь кровью истечёшь? — усмехнулся Коди.

— Не трать на неё патроны, Али,— прозвучал ровный голос Ниалла.

— Кто-нибудь нашёл следы?

— Может, в лес свинтили? — предположил Маршалл.

— Я осмотрю дом, а вы поищите следы у леса,— сказал Ниалл.

— Как скажешь, босс,— ответил Маршалл.— Идём, Крамер.

Спустя тягучее мгновение Адам увидел спины охотников, шедших к лесу. Коди что-то бурчал в ухо огромному снайперу, но тот не обращал на него никакого внимания. Адам посмотрел поверх фундамента.

— Ниалл в доме. Вырубим его и возьмём оружие,— предложил Адам.

Гай нахмурился. Адам видел, что он сомневается.

— Это наш единственный шанс. Нужно попытаться, пока Али и Крамер не вернулись.

В конце концов бродяга молча кивнул. Едва они вышли из укрытия, как со стороны леса раздался крик. Али заорал не своим голосом. Ему в лицо вцепилась рыжая, кусая и раздирая когтями глаза и щёки, извиваясь всем телом, издавая режущий визг. Коди пытался уцепиться за бешеную кошку и освободить снайпера, но охватившая их

обоих паника только всё усугубляла. Пытаясь отцепить рыжую, Али делал только хуже себе — когти впивались всё глубже, нанося широкие порезы. До тех пор, пока мех рыжей не обагрился стекающей с лица Маршалла кровью, Коди и не думал о пистолете в его руке. Когда Али услышал взводимый курок, то завопил ещё сильнее.

— Даже не думай, Крамер! Даже не...

— Просто не дёргайся, Али, остановись буквально на секунду!

— Я почти освободился, почти...

Раздался выстрел, и кошка упала в траву. Раздался второй, но залитое кровью животное уже удирало что есть мочи в ближайшие кусты. Снайпер-ветеран рухнул на колени с кровоточащей дырой в щеке и выбитой челюстью. Спустя секунду, длившуюся, казалось, бесконечность, Коди наблюдал, как тело Маршалла медленно заваливается на бок и погружается в высокие заросли.

— Ты что наделал, идиот?! — из дома в ярости выбежал Ниалл и подбежал к потрясённому Коди.— Ты что наделал?! — он ударил мужчину в лицо, и тот упал рядом с Али, разразившись слезами. Он схватил убитого за руку и уткнулся головой ему в грудь.

— Али! Нет! Что же я...

— Очнись, Коди! — Ниалл схватил его за грудки.— Отступники всё ещё здесь.

Воспользовавшись моментом, Адам и Гай незаметно перебежали от одного фундамента к другому, подальше от спорящих.

— Они сейчас друг друга убьют.

— Вот было бы удобно, да?

Они наблюдали, как Ниалл успокаивал охотника, пока вдруг тот не поднялся на ноги с громким воплем:

— Мразь! — Крамер разрядил всю обойму в сторону сбежавшей кошки.— Сука!

— Твою мать, Коди! — со спокойного тона Ниалл вновь сорвался на крик и для пущей убедительности ударил обезумевшего Крамера по голове. Тот упал рядом с Али и больше не вставал. Ниалл несколько секунд оторопело глядел на него, а после припал ухом к груди потерявшего сознание мужчины и грязно выругался.

Адам и Гай удивлённо переглянулись.

— Ну где вы, отступники? — Ниалл подобрал и перезарядил револьвер Коди. Он поднялся с колен и, взмахнув плащом, развернулся в сторону черневших руин, направив оба пистолета в наступившую тьму. Какое-то время он стоял на месте, а затем тихо направился к ущелью.

— Вот теперь-то его вырубить посложнее будет,— сказал Гай.

— Подкрадёмся сзади.

Как только они вышли из укрытия на фоне чёрных зубьев скал, они услышали громкий возглас Ниалла, после которого незамедлительно засвистели пули. Не успев понять, что произошло, они побежали что есть сил. Позади них разлетелось в щепки молодое дерево, за которым они прятались. Там, где они бежали доли секунды назад, земля взрывалась гейзерами из песка и обломков камней. Рядом с лицом Адама что-то взорвалось и обожгло кожу на щеке. Он споткнулся и рухнул в высокую траву. Адам отполз за развалины одной из невысоких стен, прижавшись к ней всем телом и зажав уши руками.

Когда залпы стихли, Адам быстро огляделся. Гай куда-то пропал. Сердце бешено выбивало рёбра, по лбу градом лился пот, а голова от шума едва не раскалывалась надвое. Стена, за которой он прятался, оказалась такой низкой, что передвигаться можно было только ползком. Услышав приближающиеся шаги, Адам дополз до угла и едва успел завернуть за него, пока фонарик Ниалла не высветил место, где он прятался.

Адам схватился за грудь, хрипло дыша и стараясь восстановить дыхание. Прислонившись спиной к холодному камню, он осмотрелся в поисках Гая. Бродяги нигде не было. Адам надеялся, что тот смог добраться до надёжного укрытия. Осторожно выглянув из-за камня, Адам увидел крадущегося прямо в его сторону Ниалла. Вдруг рука Адама наткнулась на крупный острый камень. Всё ещё потерянный от шока, Адам поднял его и тут же почувствовал, как воля к жизни постепенно наполняет каждую клетку его тела, каждую пору кожи. Он, наконец, понял, что побег от этих психов был по-настоящему верным решением за всю его жизнь.

Когда Ниалл подошёл к повороту, в его лицо врезался острый гранит. Охотник отшатнулся, выстрелив в воздух. Во второй раз камень полоснул его по груди, прорезав куртку и вызвав сноп кровавых брызг. Ниалл взвыл и точным ударом ноги пнул Адама в живот, отбросив его на камни. Последнее, что Адам видел перед тем, как погрузиться во тьму,— дуло пистолета, которое вместе с рукой охотника снесло грохочущим ветром, расщепив на кровавые тряпки.

Очнулся Адам от того, что Гай тряс его за плечи. Из небесной тьмы на них обрушивался ледяной ливень. В нескольких шагах от Адама, держась за отстреленную руку, лежал связанный Ниалл, издавая однообразные стоны.

— Ты ему руку отстрелил...— сказал Адам. Он едва слышал свой голос.

— Да,— Гай направился в сторону стонущего от боли мужчины и остановился на безопасном расстоянии.— А хотел попасть в голову. Не знаю, что теперь делать. Добивать духу не хватит.

— Вы... это всё из-за вас,— прошипел Ниалл сквозь зубы.— Из-за вас Великого Удела больше нет. Вы прогневали Танаросса. Его город пронёсся над нами, сметая на своём пути всё, что было.

Адам посмотрел на бродягу. На его лице читалось облегчение. Словно некое бремя оставило его сердце. Внутри Адама возникло беспокойство. Но оно не касалось жителей города, не касалось Ниалла и остальных охотников. Он осознал, что погибель Удела не принесла ему ни страданий, ни боли. Он ничего не чувствовал, и это его смутило.

— Вы... вы осмелились противиться его воле и воле его служителей,— не успокаивал-

ся Ниалл.— Осмелились вторгнуться в его святилище. Кем вы себя возомнили?!

— Кто-то ещё выжил? — спросил Адам, сев на камень и потирая виски.

— Выжившие... они найдут другой храм. Другое святилище. Мы, воины, проиграли злому року. Будьте вы прокляты! Вы обрекаете весь мир на грехопадение.

— Значит, вы не одни выжили. Это хорошо,— сказал Адам, встал и приблизился к охотнику. Подняв лежащий рядом с ним револьвер, он засунул его за пояс брюк со словами:

— На случай, если кто-то ещё захочет навестить нас на Маяке.

Ненавидящий взгляд Ниалла сделался потерянным и потрясённым, словно он в первый раз увидел Адама.

— Мы всегда относились к тебе, как к брату. Ты был частью нашей общины. Частью наших жизней и нашего быта. Несмотря на все твои выходки мы терпели тебя.

Адам молча смотрел на мужчину. Молча смотрел, как презрение изливается из него. Он не чувствовал стыда или раскаяния.

— Я должен был, Ниалл. Майя звала меня.

— Ты псих. Майи уже давно нет.

— Откуда тебе знать? Никто из нас не был на Маяке. Может быть, твоя дочь тоже там, жива и здорова...

— Не говори о ней! — Ниалл рванулся вперёд, сжимая в кулак уцелевшую руку, но Гай пнул его сапогом в грудь. Мужчина упал и зарыдал.— Вы всех убили.

Адам и Гай молча смотрели на него. Ливень не переставал, а гроза над ними уже вовсю исторгала утробный грохот.

Адам только сейчас заметил, как у ног бродяги трётся рыжая. Гай наклонился к ней и, поглаживая, что-то прошептал.

— Она зовёт нас. Нашла путь,— обернулся Гай.

Ниалл тихо застонал:

— Не ходите. Вы погубите весь мир. Удел уже погубили.

— Помолчи,— сказал Адам, перетягивая брючным ремнём руку Ниалла выше окровавленного запястья и заматывая культю снятым с его же шеи шарфом.— Надеюсь, ты выживешь.

Адам и Гай вернулись в дом, где раньше планировали заночевать. По всему полу разлетелись щепки, огонь погас, а остатками тушёнки в продырявленном рюкзаке лакомилась кошка.

— Может, попробуем убедить Ниалла пойти с нами? — спросил Адам.

— Ну попробуй,— бродяга усмехнулся.— А я пока соберу наши вещи.

Ещё издалека Адам понял — что-то не так. Ниалл не двигался, привалившись спиной к руинам и неестественно закинув голову назад. Подойдя ближе, он разглядел в его руке нож. Капли дождя смешивались с сочащейся из шеи кровью.

— Что б тебя, Ниалл!..

Когда Адам вернулся, то не сказал ни слова. Гай всё понял.

— Как?

— Ножом по горлу.

В полном молчании они водрузили поклажу на спины и пошли в сторону чащи. Рыжая снова вилась у ног Адама, то отбегая, то прижимаясь. Играла в свою кошачью игру.

— Ты собираешься дать ей имя? — спросил Адам.— Думаю, после сегодняшнего она его вполне заслужила.

— У меня было два варианта,— откликнулся Гай.— Но я всё ещё никак не могу решиться.

— Тогда я решусь. Дам ей имя Майя.

— Между прочим, это был один из моих вариантов.

— А какой второй?
— Искорка.

7.

До переправы через ущелье они шли около двух часов. Звёзды на небесном куполе, затенённые тонкой рваной пеленой облаков, успели немного сместиться на полотне небосклона. Переправа представляла собой несколько сломанных у корней деревьев, поваленных недавним штормом. Ещё несколько часов они шли к скалам, отделяющим долину от неизвестности. Когда первые лучи солнца тронули горизонт, Адам увидел, как далеко они продвинулись. Стоя на возвышенности, почти у подножия бежево-бордового хребта, он обернулся и увидел долину Старого Удела, казавшегося отсюда искусно сделанной миниатюрой, на которую смотришь из-за стекла.

Вблизи скалы оказались гораздо больше. Их основание скрывали густо растущие кустарники и молодые деревца, проросшие из-под стволов сломанных и мертвых деревьев.

— Скалы слишком крутые,— сказал Гай,— но проход должен быть где-то в этой части. Нужно найти старую тропинку, она выведет нас на верный путь.

Адам следовал за Гаем вдоль скал, высматривая в щелях и углах потаённый проход. Гай постоянно вырывался вперёд, углядев что-то похожее на заросшую старую дорожку. Всё это время Майя бесшумно скользила перед Адамом меж ветвей.

Вдруг она замерла. Адам остановился и вгляделся в чащу. Вытянув голову и навострив уши, кошка выгнула гибкое тело и одним большим прыжком помчалась вперёд. Адам помчался за ней, стараясь не упустить мелькавший среди высоких стеблей светло-рыжий мех. Погоня продолжалась всего с минуту, пока Адам не упёрся в скалу, обвитую колючими стеблями. Натянув рукава плаща, он приподнял свисающие ветви и увидел чернеющий между двух скал узкий ход. Недалеко, прижав лапами мышь, сидела Майя и оборачивалась то на Адама, то на пойманную добычу. Оставив кошку наслаждаться трофеем, Адам углубился дальше. Проход всё вилял, и с каждым новым поворотом Адам думал, что наткнулся на тупик. Тропинка закончилась, как раз когда он решил повернуть обратно. Крутые скалы по бокам, изрытые тонкими каменными руслами, и мелкие острые камешки под ногами сменились ошеломляющим открытым пространством

и огромными, покрытыми мхом булыжниками.

Перед Адамом во всём своём непостижимом бесконечном величии предстал океан. Его медленные густые волны разбивались об обточенные зубья скал. Миллионы стеклянных капель блестели и пенились, вновь и вновь ударяясь о скалы, а затем неспешно уползали в свою исконную обитель, повторяя бесконечный круговорот.

Адам сощурился, от ветра его глаза заслезились, и приходилось постоянно смахивать капли со щёк. Между ним и морем простирался каменистый широкий пляж, расширяющийся к востоку. Адам медленно осматривал новый для него мир, пока далеко на уступе не приметил бледный силуэт высокой башни.

Маяк.

Очередной порыв ветра выбил слёзы из его глаз. Только на этот раз Адам позволил им пролиться на каменный пляж.

К тому времени, как Адам нашёл Гая и провёл его через скалы, солнце уже обагрило небосклон. От усталости Адам едва передвигал ноги, то и дело спотыкаясь о камни и опускаясь на четвереньки. Каждый раз,

когда он поднимал голову в сторону Маяка, что-то заставляло его двигаться дальше. Он не замечал, как Гай, бросив свою поклажу, тянул его на себе, что-то громко твердя. В глазах Адама осталась лишь манящая фигура, образ, близкая к нему цель. Маяк.

Пока они шли по багряному пляжу, тучи над ними всё густели, едва сдерживаясь, чтобы не обрушиться ледяными каплями. Следуя за путниками, тучи кружили и завивались над ними, словно хотели увидеть их триумф. Они тоже стремились к чему-то чистому, чему-то незамутнённому. Тучи привлекал образ не застигнутого бурей небосклона. Они смотрели вниз и думали. Думали о том, какие глупые существа бредут под ними, напуганные их удивительной силой оживлять, освежать и давать жизнь тем, кто ниже их. Тучи, штормы, ливни, грозы и молнии всего лишь хотели как лучше. Они и не могли подумать, что созидание может иметь такие разрушительные последствия.

Перед Адамом высился Маяк. Облупившаяся побелка обнажала грязный серый кирпич его тела. Деревянная дверь, погоняемая ветром, болталась на ржавых петлях, издавая звук, очень похожий на гул чёрной пустоты,

которая так часто снилась Адаму. Он поднял голову, обводя взглядом каждую трещину, каждый крошащийся кирпич. В груди сердце выбивало ему рёбра. Раскрасневшейся ладонью он вытер испарину со лба и очень медленно прикоснулся к стене Маяка.

— Вот и всё, да?

Её голос разбудил Адама. Он лежал на каменистом берегу. Спокойные волны едва касались пальцев его ног. Рядом сидела Майя, обняв руками колени. Беспокойный морской ветер обволакивал её, играя с фиолетовой юбкой и волосами, в которых утопали пожелтевшие листья.

Адам поднялся на локтях и посмотрел на неё. Ему казалось, она повзрослела, стала юной девушкой. И всё равно её улыбка ничуть не изменилась.

— Нас никогда здесь не было,— сказал он.

Она очень долго молчала.

— Прекрасное место, ведь так? Мы с тобой так хотели здесь оказаться... Если бы я могла, то только бы и делала, что смотрела на волны.

— Майя...

— Это ничего,— сказала она своим вечно беззаботным тоном,— зато теперь ты будешь смотреть на море. За нас двоих.

— Майя... — на его глазах выступили слёзы, — прости меня...

Она посмотрела на него полным нежности взглядом.

— Всё хорошо. Теперь я свободна. И ты тоже.

Она взяла его руку в свои ладони и поцеловала. Их слёзы слились в бесконечные солёные волны.

Адам очнулся на кровати под тёплыми шкурами. С потолка ему на щёки капала вода.

— Живой? — над ним стоял Гай и чинил свой рюкзак.

— Сколько я пролежал?

— Почти весь день. Уже вечер за окном.

Адам поднялся и выглянул в узкое оконце. Волны на море не унимались.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Гай.

Адам вдруг понял, что из него что-то ушло. Что-то громоздкое, выпирающее, отравляющее. Он почувствовал, будто из него вырезали большой жужжащий улей.

— Легко. Я никогда ещё не чувствовал ничего подобного.

Гай улыбнулся, замерев с иголкой над рюкзаком. Возле его ног вилась Майя, мурча и играя.

— Я рад, что тебе это удалось, — сказал Гай.

— Что удалось? — Адам вопросительно уставился на мужчину.

Тот помолчал улыбаясь.

— Знаешь что? — сказал он вдруг. — Я натаскал дров на вершину башни и сложил их как надо. Думаю, тебе стоит пойти и поджечь эти чёртовы дрова. При условии, конечно, что ты себя хорошо чувствуешь.

— Да вроде нормально.

Несмотря на боль во всём теле, Адам отправился наверх. Ему не терпелось осмотреть их новое жильё, новый дом, где они смогут жить по своим правилам, только по своим. Он с неожиданной лёгкостью взбирался по проржавевшим лестницам, пока не достиг самого верха — ровной железной площадки с ограждением. Посередине аккуратной стопкой лежали дрова. Адам полил их маслом и потянулся за спичками. Но вдруг его рука замерла. Он подошёл к краю площадки и широко открытыми глазами проводил штормовой фронт. Тот плыл на далёкий север — за волны и горы, за поля и луга, за степи и леса. Обернувшись, Адам увидел спускавшиеся на землю сумерки. И были эти сумерки без единого облака. Без единой тучи. Лишь свет проступающих сквозь них звёзд видел Адам.

Содержание

Легенда о Марии и Белозаре 3
Альвах и крысы 19
«Светлячок» 27
Спасение 49
Зубойня 59
Сезон гроз 74

Сергей Александрович Золин
Маяк

Редактор Вячеслав Моисеев
Корректор Людмила Моисеева
Вёрстка Леонида Маслова
Обложка автора

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 25.08.2021 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография
„Альфа Принт“»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ № 14349

ISBN 978-5-907502-09-3

Сергей Александрович Золин — прозаик, фантаст. Автор сказок, легенд, мистических и фантасмагорических рассказов. Участник группы «НОВОСЛОЖ» и один из авторов одноимённого журнала. Образование — лингвист-переводчик с французского и английского. Уроженец Оренбурга. 26 лет.